

Генри
Филдинг

Избранные
сочинения

Генри Филдинг

**История покойного
Джонатана Уайлда великого**

«Библиотечный фонд»

1743

Филдинг Г.

История покойного Джонатана Уайлда великого / Г. Филдинг —
«Библиотечный фонд», 1743

«Джонатан Уайлд» написан в жанре биографии, но это не «подлинная» биография, какой, к примеру, внешне пытался сделать свое жизнеописание Дефо: это сатирическая биография. Герой ее из числа тех счастливцев, что до конца прошли дорогу Величия. Именуя низость безмерно падшего человека величием и соответственно перестроив всю шкалу оценок, писатель создал емкий сатирический символ продажности и бесчестия, ни разу не усомнившихся в своей законности: в этом мире они торжествуют.

© Филдинг Г., 1743

© Библиотечный фонд, 1743

Содержание

КНИГА ПЕРВАЯ	6
Глава I,	8
Глава II,	10
Глава III	14
Глава IV	17
Глава V	20
Глава VI	23
Глава VII	25
Глава VIII	26
Глава IX	30
Глава X	33
Глава XI,	36
Глава XII	38
Глава XIII	40
Глава XIV,	43
КНИГА ВТОРАЯ	47
Глава I	47
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Генри Филдинг
История жизни покойного
Джонатана Уайлда Великого
КНИГА ПЕРВАЯ

Глава I, показывающая, какую мы получаем пользу, увековечивая подвиги удивительных явлений природы, именуемых Великими Людьми

Так как за всеми великими и дивными делами, замысел которых в своем возникновении, развитии и совершенствовании потребовал всей силы человеческой изобретательности и искусства, непременно стоят великие и выдающиеся люди, то жизнь таких людей по справедливости должна быть названа квинтэссенцией истории. Рассказанная умным писателем, она приятно займет наше воображение и даст нам к тому же немало самых полезных сведений; мы не только извлекаем из нее совершенное знание человеческой природы в целом, ее скрытых пружин, разнообразных извивов и сложных сплетений, – она еще ставит перед нашими глазами живые примеры всего, что привлекательно или же отвратительно, что достойно восхищения или презрения, и тем самым учит нас куда успешней всякой прописи, чему нам ревностно подражать и чего старательно избегать.

Но помимо очевидного двойного преимущества – лицезреть, как на картине, истинную красоту добродетели и безобразие порока, – Плутарх¹, Светоний², Непот³ и другие биографы дают нам еще и полезный урок: не слишком поспешно, не слишком щедро расточать и хвалу и хулу, ибо часто мы найдем у них такое смешение добра и зла в одном человеке, что потребуются пристальное внимание и точность оценки, чтобы решить, в какую сторону склоняются весы; правда, иногда мы встретимся с Аристидом⁴ и Брутом⁵, с Лисандром⁶ или Нероном⁷, но неизмеримо больше окажется характеров смешанного вида, не совсем хороших, не окончательно дурных; их величайшие добродетели ущерблены и запятнаны пороками, а пороки в свою очередь смягчены и прикрашены добродетелями.

К такого рода людям принадлежал и тот знаменитый человек, за чью биографию решились мы приняться. Великими и блистательными дарованиями наделила его природа, но не в безупречно чистом виде были они ему дарованы. Хотя в его натуре можно найти немало такого, что вызывает восхищение, – пожалуй, не меньше, чем обычно находят в герое, – я все же не осмелюсь утверждать, что он был вполне свободен от каких бы то ни было недостатков или что острый взор критики не высмотрел бы некоторых мелких изъянов, затаившихся среди великих его совершенств.

Поэтому пусть не поймут нас так, будто мы ставим своею целью дать читателям законченный или непревзойденный образец человеческого совершенства, – напротив, нам хочется со всею верностью запечатлеть иные мелкие недочеты, умаляющие блеск тех высоких достоинств, которые мы здесь увековечим, и преподать читателям упомянутый выше урок. Пусть

---

¹ *Плутарх* (ок. 45 – ок. 127) – древнегреческий писатель и историк, автор «Сравнительных жизнеописаний» (50 биографий).

² Гай Транквилл *Светоний* (ок. 70 – ок. 140) – римский историк и писатель, автор книги «Жизнь двенадцати цезарей».

³ Корнелий *Непот* (ок. 85—25 гг. до н. э.) – римский писатель, автор компиляции «О знаменитых людях», составленной по принципу греко-римского параллелизма.

⁴ *Аристид* (ок. 540 – ок. 467 гг. до н. э.) – афинский полководец, прозванный «Справедливым».

⁵ Марк Юний *Брут* (ок. 85—42 гг. до н. э.) – римский государственный деятель, республиканец, глава (вместе с Кассием) заговора против Цезаря.

⁶ *Лисандр* (ум. 395 г. до н. э.) – спартанский полководец; в 405—404 гг. до н. э., взяв Афины, навязал афинянам олигархическое правление.

⁷ *Нерон* (37—68) – римский император (с 54 г.), жестокий и самовлюбленный тиран, настроивший против себя все римское общество.

пожалуют они вместе с нами о непостоянстве человеческой природы и убедятся в том, что ни один из смертных, если взглядеться в него, не заслуживает поклонения.

Но прежде чем приступить к этому большому труду, мы должны отвести некоторые ошибочные мнения, укоренившиеся среди людей по вине недобросовестных писателей; опасаясь впасть в противоречие с устарелыми и абсурдными взглядами компании простаков, называемых в насмешку мудрецами или философами, эти писатели постарались по мере сил спутать понятие о величии с понятием о доброте, – тогда как не может быть двух вещей, более между собою различных: ибо величие состоит в причинении человечеству всяких зол, а доброта – в их устранении. Поэтому трудно представить себе, чтобы один и тот же человек обладал и тем и другим; между тем у писателей вошло в обычай, как только они докажут на ряде примеров величие своего излюбленного героя, тут же с умилением восславить и его доброту, не подумав о том, что этим они разрушают высокое совершенство, называемое цельностью характера. В биографиях Александра и Цезаря⁸ нам постоянно и до крайности неуместно напоминают об их великодушии и благородстве, о милосердии и доброте. В то время как македонец прошел с огнем и мечом по обширной империи, лишая жизни огромное множество ни в чем не повинных людей, всюду принося, подобно урагану, опустошение и гибель, – нам, в доказательство его милосердия, указывают на то, что он не перерезал горла одной старухе и не обесчестил ее дочерей, ограничившись их разорением. А когда могущественный Цезарь с поразительным величием духа уничтожил вольности своей отчизны и посредством обмана и насилия поставил себя главой над равными, растлив и поработив величайший народ, когда-либо живший под солнцем, – нам как образец великодушия выставляют щедрость его к своим приспешникам и к тем, кого он использовал в качестве орудия, когда шел к намеченной цели и утверждал свою власть.

Но кому же не ясно, что такие низменные черты в великом человеке должны скорее огорчать нас, как проявление его несовершенства, чем умилять, как его украшение? Они затемняют его славу, замедляют его восхождение к вершинам величия, они поистине недостойны той цели, для которой и пришел он в этот мир, – вершить безмерное, властное зло.

Надеемся, что на дальнейших страницах мы не дадим нашему читателю никаких оснований обвинить нас в подобном смешении понятий. Ставя своею задачей увековечить деяния великого человека, мы если и упомянем иногда об искре доброты, проблеснувшей в нем или ярко зажегшейся в ком-либо другом, – то всегда отзовемся о ней как о пошлости и несовершенстве, которые только мешают им преуспевать в предприятиях, доставляющих почет и уважение среди людей.

Так как нашему герою эта пошлость свойственна в самой малой мере – лишь настолько, чтобы сделать его причастным несовершенству человечества, оставив чуждым совершенству сатанинства, – мы осмелились назвать его Великим. И не сомневаемся, что наш читатель, ознакомившись с его историей, вместе с нами признает за ним право на это наименование.

---

⁸ Если для французских энциклопедистов (например, для Вольтера) Александр Македонский (356—323 гг. до н. э.) – образец «просвещенного монарха», то для Филдинга-просветителя он всегда и только завоеватель, убийца, проливающий реки невинной крови. Понятно и его резко отрицательное отношение к Гаю Юлию Цезарю (100 – 44 гг. до н. э.), сокрушившему республику на своем пути к единовластию.

Глава II, дающая отчет о всех предках нашего героя, каких удалось выискать в хламе древности, тщательно обследованном с этой целью

се биографы придерживаются правила, приступая к своему труду, отойти немного назад (обычно насколько лишь это возможно) и проследить генеалогию своего героя, как древние прослеживали Нил, – до той точки, где невозможность идти дальше положит конец их розыскам.

Как возник этот метод, трудно установить. Иногда мне казалось, что родословная героя вводится, чтобы ярче оттенить его самого. Или, думалось мне, не хотят ли этим отвести подозрение, что такие необычные персонажи могли появиться на свет лишь необычным, сверхъестественным путем? Не боятся ли авторы, как бы мы, если нам не укажут предков героя, не заподозрили его, как Принца Красавчика⁹, в том, что у него вовсе не было предков? Наконец, я строил, и такое предположение (может быть, самое верное), что у биографа было одно лишь простое намерение: показать свою великую ученость и знание древности, – намерение, которому мир, вероятно, обязан многими замечательными открытиями и чуть ли не всеми трудами наших антиквариев.

Но откуда бы ни брал начало этот обычай, он утвердился теперь слишком прочно, чтобы спорить с ним. Я поэтому собираюсь следовать ему строжайшим образом.

Итак, мистер Джонатан Уайлд, или Вайлд (он не всегда придерживался единого написания своего имени), вел свой род от великого Уолфстана Уайлда, который пришел из-за моря вместе с Хенгистом¹⁰ и славно отличился на том знаменитом пиру, когда бритты были так предательски истреблены саксонцами: когда раздались призывные слова: «Nemet eour Saxes» – «Хватайтесь за мечи», этому джентльмену (он был туговат на ухо) послышалось: «Nemet her sacs» – «Хватайте кошельки», и он тотчас нацелился не на горло своего гостя, а на его карман и ограничился тем, что обобрал его, не покусившись на его жизнь.

В дальнейшем из предков нашего героя выделился Уайлд, по прозвищу Долгохват, или Длинная Рука. Он процветал в царствование Генриха III и связан был тесными узами с Губертом де Бургом¹¹, чье расположение он снискал своей замечательной сноровкой в том искусстве, изобретателем которого был сам Губерт: он умел без ведома владельца ловко и проворно извлечь кошелек, в какой бы части одежды ни был он запрятан, чем и заслужил свое прозвище. Этот джентльмен первым в своем роду имел честь пострадать за благо родины. Один острослов того времени сложил о нем следующую эпитафию:

Где справедливость? О, позор!
Повешен Вайлд, карманный вор,
Но Губерт лазит пресвободно,

---

⁹ *Принц Красавчик*. – В классическом бурлеске Джорджа Вильерса герцога Бекингема (1628—1687) «Репетиция» (1671), пародировавшем штампы героической трагедии, Принц Красавчик из страха оказаться «ничьим сыном» тревожится об участии приемного отца – рыбака, подозреваемого в убийстве. «Принцем Красавчиком» звали в Англии Младшего Претендента, Карла Эдуарда Стюарта (по-французски – *Вонпье Принсе*, поскольку принц жил в Париже). Существовала легенда о безродности его отца, Старшего Претендента: якобы новорожденный умер, и королеве принесли на грелке чужого младенца.

¹⁰ Предводители саксов братья Хенгист и Хорса помогли королю Вортегирису победить пиктов (сер. V в.). Рассказ о вероломном истреблении бриттов заимствован из гл. 104-й «Истории бриттов» Гальфрида Монмутского (ок. 1100—1150 или 1155).

¹¹ В царствование королей Джона и Генриха III Губерт де Бург (ум. 1243) в должности верховного джастикария фактически управлял страной. С его устранением (в 1232 г.) должность джастикария была упразднена.

Как в свой карман, в карман народный.

Долгохват оставил сына Эдварда, обученного им всем тонкостям того искусства, коим прославился сам. У этого Эдварда был внук, служивший волонтером под начальством сэра Джона Фальстафа¹², которому так нравилось удалство юного Уайлда, что он несомненно помог бы ему продвинуться по службе, когда бы Гарри V сдержал слово, данное старому собутыльнику.¹³

После смерти Эдварда род Уайлдов оставался в тени вплоть до царствования Карла I, когда Джеймс Уайлд в годы гражданской войны¹⁴ отличился как соратник обеих враждующих сторон, переходя то на одну, то на другую, так как и благоволение к ним небес было, по-видимому, переменным. К концу войны Джеймс, не получив награды в полную меру своих заслуг (как обычно случается с такого рода беспристрастными людьми), примкнул к одному из удалцов, – каких не мало было в те времена, – некоему Хайнду, и объявил войну обеим партиям. Он успешно провел несколько операций и захватил немало военной добычи, но в конце концов превосходные силы противника взяли верх: он был изловлен и, противно законам войны, подло и трусливо умерщвлен по сговору двенадцати представителей враждебной партии, которые, посоветовавшись между собой, единодушно постановили произвести это убийство.

---

¹² *Джон Фальстаф* – герой исторической хроники Шекспира «Генрих IV», собутыльник принца Гарри, хвостун и пьяница, не брезгающий разбоем.

¹³ Во второй части «Генриха IV» принц, став королем и образумившись, отрекается от старого плута («Старик, с тобой я не знаком»). В веселую минуту он обещал назначить сэра Джона палачом.

¹⁴ В результате гражданских войн 1642—1646 гг. и 1648 г. между сторонниками парламента и роялистами король *Карл I* был казнен (1649 г.) и в Англии провозглашена республика.

не оставил потомства. Эдвард отличался таким мягкосердечием, что всю свою жизнь провел в ходатайствах по судебным делам несчастных узников Ньюгета¹⁶ и состоял, говорят, в тесной дружбе с одной видной духовной особой, ходатаем этих узников по их духовным делам. Он женился на Эдит, дочери и наследнице Джофри Снэпа, джентльмена, который долгое время служил под началом верховного шерифа Лондона и Мидлсекса, и на этой должности, пользуясь самой доброй славой, приобрел изрядное состояние; детей от нее Эдвард не имел. Томас совсем молодым отправился за море, в одну из наших американских колоний, и с той поры о нем не было слуха. Что же касается дочерей, то Грация вышла за йоркширского купца, торговавшего лошадьми; Харита была замужем за одним замечательным джентльменом, фамилии которого мне не удалось узнать, но который славился исключительным расположением к людям, так как брал на поруки сто с лишним человек в год; он, кроме того, был замечателен одной своей причудой: в Вестминстер-холл всегда ходил с соломинкой в башмаке. Младшая, Гонора, умерла девицей; она прожила в Лондоне много лет, была постоянной посетительницей театральных представлений и приобрела известность тем, что раздавала апельсины всем желающим.¹⁷

Джонатан женился на Елизавете, дочери Скрэгга Холлоу, из Хоклиинзе-Хоула, эсквайра; и от нее он имел сына Джонатана, знаменитого героя нашей хроники.

---

¹⁶ С XII в. в караульном помещении у западных ворот Сити содержались заключенные; впоследствии тюрьма разрослась, в нее заключались уголовные преступники.

¹⁷ Иными словами, была представительницей древнейшей профессии: на жаргоне периода Реставрации «раздавать апельсины» значило оказывать услуги определенного рода.

Глава III

Рождение, родня и воспитание мистера Джонатана Уайлда Великого

Как показывает наблюдение, редко так бывает, чтобы природа произвела на свет человека, призванного впоследствии играть видную роль на сцене жизни, и не возвестила бы о том каким-либо знаменьем; и как поэт-драматург обычно подготавливает выход каждого значительного персонажа торжественным рассказом или хотя бы громом труб и барабанов, так и мать-природа предвещает нам о своем намерении, посылая нам какое-нибудь знамение и возглашая:

Venienti occurrere morbo!¹⁸

Так, деду Кира, Астиагу, привиделось во сне, что дочь его разрешилась от бремени виноградным кустом, лозы которого, разросшись, покрыли всю Азию¹⁹; Гекубе, когда она носила во чреве Париса, приснилось, что от нее родился пожар, охвативший всю Трою²⁰; а матери нашего великого человека, когда она была им беременна, привиделось, что она всю ночь наслаждалась с богами Меркурием и Приапом. Этот сон озадачил всех тогдашних ученых-астрологов, так как содержал явное противоречие, поскольку Меркурий – бог изобретательности, Приап же – гроза тех, кто ее проявляет на деле. Сон удивителен был еще одним необычайным обстоятельством, убедительно доказывающим его сверхъестественное происхождение (из-за этого, может быть, он и запомнился): хотя будущая мать никогда не слыхала даже имени этих двух богов, она наутро назвала их обоих, допустив лишь небольшую ошибку в долготе гласной, – второго бога ей вздумалось назвать Приапом, а не Приапом; муж ее клялся, что если Меркурия он, быть может, и упоминал когда-нибудь при ней, так как все же слышал об этом языческом боге, то уж о втором божестве он никак не мог при жене даже обмолвиться, поскольку и сам не имел о нем никакого представления.

Вторым замечательным обстоятельством было то, что в течение беременности ее неизменно влекло ко всему, что попадалось на глаза, но удовлетворение она получала только в том случае, если утоляла свое желание украдкой; а так как природа, по свидетельству точных и правдивых наблюдателей, тем и замечательна, что, пробуждая в нас стремления, всегда надеется нас и средствами осуществить их, – то и у этой особы пальцы приобрели поразительное свойство клейкости, и к ним, как к омеде, крепко прилипало все, чего касалась ее рука.

Опуская прочие предания, иные из которых явились, возможно, плодом суеверия, переходим к рождению нашего героя, который совершил свой первый выход на великую сцену жизни в тот самый день, когда в 1665 году впервые вспыхнула чума. Утверждают, будто мать произвела его на свет в Ковент-Гардене, в доме сферической или круглой формы²¹; но это не вполне достоверно. Несколько лет спустя он был крещен знаменитым мистером Титом Отсом.²²

---

¹⁸ Встречайте грядущую болезнь! (*лат.*) (Персии. Сатиры, III, 65). Обычно говорится в смысле: торопитесь лечить болезнь вовремя.

¹⁹ Свергнув Астиага, Кир (558—529 гг. до н. э.) основал персидскую державу. О вещем сне Манданы рассказано у Геродота («История», кн. 1, гл. 104).

²⁰ Гекубе приснилось, что вместо сына у нее родился горящий факел. Троянская война разгорелась из-за похищения Парисом Елены Прекрасной, жены спартанского царя Менелая.

²¹ Это арестантская в Ковент-Гарденском квартале.

²² По лжесвидетельству Тита Отса (1649—1705) был сфабрикован «Папистский заговор» (1678 г.), после «раскрытия» которого Карл II под давлением парламента издал «Акт о присяге», существенно ущемивший гражданские права католиков.

В младенческие годы с ним не произошло ничего примечательного, не считая того, что звук «th»²³, самый трудный для произношения, так что дети научаются правильно его выговаривать обычно в последнюю очередь, у юного мастера Уайлда первым сошел с языка и без всякого труда. Не можем мы также умолчать о ранних проявлениях мягкости его характера: от него нельзя было добиться послушания никакими угрозами, но зато конфетка приводила его в полную покорность; сказать по правде, подкупом его можно было склонить на что угодно, и многие усматривали в этом прирожденную черту великого человека.

Как только его определили в школу, он обнаружил признаки гордого и честолюбивого нрава, и все школьные товарищи стали относиться к нему с тем уважением, какое обычно оказывают люди тому, кто умеет потребовать его к себе, превосходя других силой духа. Если надобно было совершить налет на фруктовый сад, это обсуждалось с Уайлдом, и он хоть и редко участвовал сам в исполнении замысла, однако всегда утверждал его и брал на хранение добычу, с удивительным великодушием кое-что выдавая время от времени тем, кто доставил ее. Как правило, он соблюдал в этих случаях строгую тайну; но если кому-либо приходило на ум очистить чужой сад за свой страх и риск, не оповещая мастера Уайлда и не сдавая ему добычи, он мог не сомневаться, что учителю будет доложено и проказник понесет суровое наказание.

Школьной науке наш герой уделял так мало внимания, что его учитель, умный и достойный человек, вскоре сложил с себя всякую заботу об этом и, сообщая родителям о превосходных успехах сына, предоставлял ученику следовать своим природным наклонностям: он видел, что они ведут юношу к более благородной цели, чем усвоение знаний, которое всеми признается бесполезной тратой времени и даже прямою помехой к преуспеянию в свете. Но если никто не заподозрил бы юного Уайлда в усердном приготовлении уроков, зато никто не стал бы отрицать, что он с исключительной ловкостью умел присвоить себе сделанное другими, никогда, однако же, не попадаясь ни в краже чужих сочинений, ни в ином применении своих великих талантов, всегда направленных к одной и той же цели, – если не считать одного случая, когда он наложил дерзостную руку на книгу, озаглавленную «Gradus ad Parnassum», то есть «Ступень к Парнасу». Говорят, его учитель, человек редкого остроумия и проницательности, по этому поводу высказал ему пожелание, чтобы книга эта не оказалась в данном случае «Gradus ad Patibulum», то есть «Ступенью к виселице».

Но хотя юный Уайлд чуждался труда, необходимого для приобретения приличных познаний в языках ученого мира, он охотно и внимательно слушал, в особенности когда ему переводили классических авторов; и в этих случаях он никогда не скупился на похвалы. Ему чрезвычайно нравилось то место одиннадцатой песни «Илиады», где говорится о том, как Ахиллес изловил под горою и связал двух сыновей Приама, а потом отпустил их за определенную сумму денег. «Одно это, – сказал он, – достаточно опровергает всех, кто высокомерно отрицал мудрость древних, и несомненно свидетельствует нам о великой древности плутовства»²⁴. Его приводил в восхищение отчет Нестора в той же песни о богатой добыче, которую тот взял (то есть украл) у эляян. По его просьбе ему снова и снова перечитывали этот отрывок, и каждый раз, прослушав, он вздыхал и говорил: «Вот поистине славная добыча!»

Когда ему читали из восьмой песни «Энеиды» рассказ о Каке²⁵, он выражал благородную жалость к этому несчастному, с которым, по его мнению, Геракл обошелся слишком круто; когда же один его школьный товарищ одобрил ловкую выдумку – втащить быков за хвосты обратно в пещеру, он улыбнулся и пренебрежительно заметил, что мог бы научить другой штуке, куда почище этой.

---

²³ С этого звука начинается английское слово «thief» – вор.

²⁴ Это слово на особом языке означает «воровство». (Примеч. автора.)

²⁵ Как похитил у Геркулеса несколько быков. Когда пропража обнаружилась (быки замычали), герой убил Кака.

Он был страстным поклонником героев, особенно Александра Великого, и любил проводить параллель между македонцем и покойным шведским королем²⁶. Он с восторгом слушал рассказы об отступлении московского царя перед шведом, угонявшим жителей крупных городов и населявшим ими свою собственную страну. «Вот это, – говаривал юный Уайлд, – Александру не пришлось ни разу в голову. Но, пожалуй, – добавлял он, – ему не было в них нужды».

Счастьем было бы для Джонатана, если бы он всегда держался в этой высокой сфере; но главным – если не единственным – его недостатком было то, что нередко по некоторой слабости природы, столь губительной для истинного величия, он снисходил до менее значительных лиц и предметов. Так, его любимой книгой был «Испанский жулик»²⁷, а любимой пьесой «Плутни Скапена».²⁸

Когда юному джентльмену исполнилось семнадцать лет, его отец, из глупого предубеждения против наших университетов и напрасных, преувеличенных опасений за его нравственность, увез сына в Лондон, где тот жил при нем, пока не достиг того возраста, когда приличествует отправиться в путешествие. Покуда же он оставался в городе, отец прилагал все усилия к наставлению его на добрый путь, всемерно стараясь привить сыну правила благородства и чести.

---

²⁶ Эту параллель проводили тогда многие: Карла XII (1682—1718) называли «Северным Александром».

²⁷ «Испанский жулик». – Под таким названием известен в Англии роман «Жизнеописание плута Гусмана де Альфараче» (1599—1604) Матео Алемана (1547 – ок. 1614), впервые переведенный в 1622 г. Джеймсом Мэбби.

²⁸ «Плутни Скапена» (1671) – комедия Мольера (1622—1673).

Глава IV

Мистер Уайлд совершает свой первый выход в свет. Его знакомство с графом Ла Рюз²⁹

Вскоре после приезда мастера Уайлда в Лондон произошел случай, который почти снял с его отца всякую заботу по этой части и обеспечил «юношу таким учителем жизни, какого не сыскать бы ему ни за какие деньги. Старый джентльмен, по-видимому, сделался преемником мистера Снэпа, сына того мистера Джофри Снэпа, упоминавшегося выше, который занимал почетную должность при шерифе Лондона и Мидлсекса и через замужество дочери породнился с Уайлдами. Мистер Снэп-младший, уполномоченный на то законом, наложил властную руку, или, вульгарно говоря, арестовал некоего графа Ла Рюз – довольно видное в те дни лицо – и запер его у себя в доме на время, пока тот не подыщет двух заступников, которые по всей форме дали бы слово, что граф в назначенный день и в условленном месте ответит некоему Томасу Тимблу³⁰, портному, на все, что тот ему скажет; названный же Томас Тимбл, видимо, утверждал, что граф, согласно законам государства, должен предоставить ему свою персону в обеспечение платы за несколько костюмов, поставленных ему оным Томасом Тимблом. Но так как граф, хотя и был в полном смысле слова человеком чести, не мог тотчас же найти этих двух заступников, то ему полагалось прожить некоторое время в доме мистера Снэпа, ибо закон страны, оказывается, гласит, что всякого, кто должен другому десять фунтов стерлингов или хотя бы два фунта, надлежит по присяге этого лица немедленно схватить, увести из дому и держать вдали от семьи до тех пор, пока он не задолжает поневоле все пятьдесят, – а за такую сумму он уже должен будет сесть в тюрьму; и все это без всякого суда или какого-либо доказательства долга, кроме упомянутой выше присяги; если же присяга ложна, как это нередко бывает, вы бессильны против клятвопреступника: человек ошибся – и только.

Но хотя мистер Снэп не соизволил (как, быть может, следовало по мягким требованиям учтивости) отпустить графа на честное слово, однако и не стал (как допускали строгие требования закона) запира́ть его одного в комнате. Графу разрешили свободно расхаживать по всему дому; и мистер Снэп, заперев из предосторожности дверь на ключ и засов, взял с узника обещание, что он не будет выходить на улицу.

Мистеру Снэпу его вторая жена оставила двух дочерей, которые были теперь в расцвете юности и красоты. Молодые леди, подобно девицам из романов, прониклись состраданием к пленному графу и всячески старались скрасить для него заключение; но, хотя обе они были очень красивы, наиболее действительным средством для достижения цели оказалась игра в карты, в которой, как станет видно из дальнейшего, граф был чрезвычайно искусен.

---

²⁹ *Ла Рюз* – смысловая фамилия: хитрец.

³⁰ *Томас Тимбл*. – Портной Том Тимбл (фамилия смысловая: наперсток) – один из персонажей «Репетиции» Бекингема.

Так как самой модной игрой была тогда «метла и швабра», им приходилось подыскивать себе четвертого партнера. Иногда сам мистер Снэп бывал не прочь после тяжких служебных трудов дать отдых своему уму в этом занятии, иногда же приходили на выручку какой-нибудь молодой сосед или соседка; но самым частым гостем бывал юный мастер Уайлд, который с раннего детства воспитывался вместе с девицами Снэп и которого все соседи прочили в мужа мисс Тиши (или Летиции), младшей из сестер; правда, как племянница его тетки, она, пожалуй, по суду строгой морали, состояла с ним в слишком близком родстве, – однако родители жениха и невесты, хоть и были достаточно щепетильны в некоторых тонких вопросах, согласились пренебречь этим препятствием. Гениальные люди распознают друг друга так же легко, как масоны. Поэтому не удивительно, что скоро у графа возникло желание ближе сойтись с нашим героем, чьи всесторонние способности не могли остаться незамеченными для столь пронизательного человека. Хотя граф был в картах таким искусником, что играл *всегда наверняка*, однако он не мог тягаться с мастером Уайлдом, который, при всей своей неопытности и при всем мастерстве, сноровке, а иногда и удаче противника, неизменно выпускал его из-за стола с облегченным карманом, – ибо воистину сам Уайлд Долгохват не мог бы так ловко вытащить чужой кошелек, как наш юный герой.

Его руки успели несколько раз наведаться в карманы графа, прежде чем у того зародилось первое подозрение; до сих пор, недосчитываясь временами денег, граф в этих потерях склонен был видеть скорее невинные шалости мисс Доши (или Теодозии), с которыми считал себя обязанным мириться, так как и она в награду разрешала ему кое-какие столь же невинные вольности по отношению к своей особе; но как-то вечером Уайлд, вообразив, что граф уснул, повел на него такую неосторожную атаку, что тот поймал его на месте преступления. Граф, однако, не счел нужным сообщать о сделанном открытии и, лишь помешав Уайлду на этот раз

захватить добычу, стал впредь тщательно застегивать карманы и с удвоенным усердием подтасовывать колоду.

Это открытие не только не посеяло ссоры между двумя *плутами*³¹, но послужило своего рода рекомендацией, ибо умный человек, иначе говоря – мошенник, смотрит на трюки в жизни, как актер на театральные трюки: они заставляют его насторожиться, но он восхищается ловкостью того, кто их разыгрывает. Таким образом, и этот и многие другие примеры Уайлдова мастерства произвели на графа столь сильное впечатление, что, невзирая на неравенство, создаваемое между ними возрастом, званием, а главное, одеждой, он решил завязать знакомство с Уайлдом. Знакомство вскоре привело к полному единодушию, а то в свою очередь – к дружбе, просуществовавшей дольше, чем держится обычно это чувство между двумя людьми, которые не могут предложить друг другу ничего, кроме возможности вместе поесть, попить, пораспутничать или взять денег взаймы; а поскольку эти возможности быстро иссякают, то иссякает и дружба, основанная на них. Взаимная выгода, сильнейшее из всех побуждений, была цементом этого союза, который, следовательно, могло расторгнуть только одно – более высокая выгода.

---

³¹ Ворами. (Примеч. автора.) В оригинале «prig», и у тогдашнего читателя сразу возникла ассоциация со словом «виг».

Глава V

Обмен мыслями между юным мастером Уайлдом и графом Ла Рюз, перешедший в препирательство, но разрешившийся затем самым мирным, спокойным и естественным образом

Однажды вечером, когда девицы Снэп удалились на покой, граф обратился к юному Уайлду с такими словами:

– Я полагаю, мистер Уайлд, ваши большие способности вам самому достаточно известны, и вас не удивит, если я вам скажу, что я нередко с изумлением и грустью смотрел на ваши блистательные дарования, ограниченные кругом, где они никогда не будут замечены никем из тех, кто мог бы вывести их на свет и поднять на такую высоту, откуда они сияли бы на удивление всему человечеству. Уверяю вас, я радуюсь своему пленению, когда думаю о том, что ему я, по-видимому, обязан знакомством и, надеюсь, дружбой с величайшим гением нашего века, и – что еще важнее – когда я льщу себя тщеславной мыслью извлечь из мрака неизвестности (простите мне это слово) такие таланты, каких он, думается, еще никогда не покрывал. Ибо я твердо надеюсь, что, как только выйду отсюда, – а этого теперь недолго ждать, – я смогу ввести вас в общество, где лучшие ваши качества получают возможность полного развития. Я вас познакомлю, сударь, с теми, кто способен не только по достоинству оценить ваши качества, но и благосклонно отнестись к вам ради них. Быть введенным в этот круг – вот единственно, чего недостает вам и без чего ваши достоинства могут стать вашим несчастьем. Ибо те самые способности, которые при высоком положении в обществе принесли бы вам почет и выгоду, при низком положении только навлекнут на вас опасности и позор.

Мастер Уайлд отвечал:

– Сэр, я вам глубоко признателен как за вашу слишком лестную оценку моих скромных дарований, так и за любезное ваше предложение ввести меня в более высокий круг. Должен сознаться, мой отец часто уговаривал меня пробраться в общество людей более высокопоставленных, но, сказать по правде, моей натуре свойственна нелепая гордость, и мне более по нраву быть первым в низшем классе, чем, принадлежа к высшему, стоять на самом дне. Позвольте мне сказать: хотя такое сравнение, может быть, и грубо, но я предпочел бы стоять на вершине навозной кучи, чем у подножия какого-нибудь райского холма.

Я всегда полагал, что не так уж это существенно, в какой круг забросила меня судьба, – лишь бы я был в нем крупной фигурой. И для меня одинаково приятно, проявлять ли мои таланты, возглавляя небольшую партию или шайку или же командуя могучей армией, – так как я отнюдь не согласен с вами, что большие способности при низком положении часто пропадают втуне; напротив, я убежден, что они не могут пропасть. Я часто уверял сам себя, что в войсках Александра было не меньше тысячи человек, способных совершить то же, что сделал сам Александр.

Но если эти лица не были избраны или же предназначены для верховного командования, должны ли мы предположить, что они остались без добычи? Или что они удовольствовались долей, равной доле их товарищей? Конечно нет! В гражданском мире, бесспорно, тот же гений, те же дарования нередко отмечали наравне государственного мужа и *плута*, как мы именуем того, кого чернь называет вором. Нередко те же качества и тот же образ действий, какие ставят человека во главе общества в высших слоях, поднимают его до главенства и в низших; и где

тут существенная разница, если один кончает Тауэром, а другой Тайберном³²? Разве это не пустое заблуждение, что плаха предпочтительнее виселицы, а топор – веревки? Итак, вы меня извините, если я не так легко загораюсь восторгом перед внешней стороной вещей и не склонен, как иные, отдавать предпочтение одному состоянию перед другим. Гинея стоит одинаково что в расшитом кошельке, что в кожаном, а треска останется треской – что на олове, что на серебряном блюде.

Граф отвечал на это так:

– То, что вы сейчас сказали, не снижает моей оценки ваших способностей, но утверждает меня во мнении о вредном воздействии дурного и низкого общества. Кто же станет сомневаться, что лучше быть большим государственным человеком, чем простым вором? Я слышал не раз, будто черт говаривал, не знаю где и кому, что лучше царствовать в аду, чем быть лакеем в раю, – и, может быть, он был прав; но если бы ему пришлось решать, где царствовать, тут или там, он, уж конечно, сумел бы сделать правильный выбор. Истина же в том, что мы, вращаясь в низких слоях, проникаемся большим почтением к высоким вещам, чем они заслуживают. Мы отказываемся преследовать великие цели не из презрения, а от безнадежности. Когда человек предпочитает грабеж на большой дороге более почетным способам добывания богатства, он поступает так лишь потому, что этот способ кажется ему легче других; но вы сами утверждаете, – и здесь вы бесспорно правы, – что на обоих путях от вас требуются для начала одни и те же способности и к цели приводят одни и те же средства, – как в музыке мотив остается тот же, играете ли вы его в более высоком или более низком ключе. Разберем для ясности некоторые примеры. Человек захотел, допустим, наняться слугой, войти в доверие к хозяину и проникнуть в его тайны с целью обокрасть его; разве не те же нужны для этого качества, какие позволили бы ему снискать доверие высшего порядка, чтобы затем вероломно нарушить его? Путем притворства обмануть лавочника и добиться, чтоб он доверил вам свои товары, с которыми вы потом сбежите, – разве это легче, чем, обольстив его внешним блеском и видимостью богатства, получить у него кредит, который принесет вам прибыль, а ему двадцатикратный убыток? И не больше ли требуется ловкости, чтобы никем не замеченным вытащить из кармана у мужчины кошелек или из-за пояса у дамы часы (мастерство, в котором вас, скажу без лести, никто не превзойдет), чем для того, чтобы подделать кость или подтасовать колоду?

Разве не то же искусство, не те же превосходные качества делают ловким сводником при-вратника непотребного дома, как те, что нужны семейному человеку, чтобы для собственной выгоды толкнуть на бесчестие свою жену или дочь или жену и дочь своего друга? Разве не та же отличная память, тонкая изобретательность, не та же твердость взгляда нужны для ложной присяги в Вестминстер-холле, каких достало бы на целый правительственный аппарат, включая и государственного мужа, его главу?

Нет нужды разбирать подробно всевозможные случаи; мы в каждом убедились бы, что связь между высокими и низкими сферами жизни теснее, чем принято думать, и что грабитель с большой дороги имеет право на большую благосклонность великих людей, чем обычно встречает на деле. Итак, если я, как мне думается, доказал, что те самые способности, которые позволяют человеку выдвинуться в низшем кругу, достаточны и для выдвижения в высшем, то, конечно, не может быть спора о том, какой круг ему следует выбрать для их приложения. Честолюбие – это неперменное свойство великого человека – тотчас научит его предпочесть, как вы выразились, райский холм навозной куче. Даже страх – самое противное величию чувство – и тот подскажет ему, насколько для него безопаснее дать полно и свободно развернуться своим могучим дарованиям при высоком положении, нежели при низком; ибо весь опыт убе-

---

³² До 1820 г. Тауэр был главной государственной тюрьмой; в Тайберне до 1783 г. производилась публичная казнь уголовных преступников.

дит его, что в Тауэре за сто лет не соберется столько раз толпа поглазеть на казнь, сколько на Тайберне за год.

Мастер Уайлд с большой торжественностью ответил на это, что те же способности, какие позволят «скокарю»³³, «уздечке»³⁴ или «саламандрику»³⁵ выдвинуться до некоторой степени в своей профессии, равным образом помогли бы возвыситься и тому, кто избрал для себя специальность, почитающуюся в свете более почтенной. «Этого, – сказал он, – я не отрицаю; мало того: из некоторых ваших примеров ясно, что в более низких профессиях требуется больше ловкости, больше искусства, чем в более высоких. Поэтому, пока вы утверждаете, что каждый *плут* может, если хочет, быть министром, я охотно с вами соглашаюсь; но когда вы делаете вывод, что ему выгодно им быть, что честолюбие склонило бы его к такому выбору, – словом, что министр выше или счастливей *плута*, – то с этим я никак не согласен. Когда вы сравниваете их между собой, остерегайтесь впасть в заблуждение, приняв вульгарную ошибочную оценку вещей: в суждении об этих двух натурах люди постоянно допускают ту же ошибку, что врачи, когда они, рассматривая проявления болезни, не учитывают возраста и телесного склада своих пациентов. Степень жара, обычная для одной конституции, может в другом случае означать жестокую лихорадку; равным образом, то, что для меня – богатство и честь, для другого может быть нищетой и позором. Все эти вещи надо оценивать относительно с тем, на чью долю они выпадают. Добыча в десять фунтов стерлингов представляется большой в глазах «уздечки» и обещает ему столько же подлинных утех, сколько десять тысяч фунтов – государственному деятелю; и разве первый не тратит свои приобретения на девок и на кутежи с большей радостью, с большим весельем, чем второй на дворцы и картины? Что государственному деятелю в лести, в лживых комплиментах его шайки, когда он должен сам осуждать свои ошибки и поневоле уступает Фортуне всю честь своего успеха? Чего стоит гордость, порожденная такими неискренними хвалами, по сравнению с тайным удовлетворением, какое в душе испытывает *плут*, размышляя о хорошо задуманном и хорошо проведенном замысле? Возможно, в самом деле, что опасностей выпадает больше на долю *плута*, но зато, не забывайте, и почета ему больше. Когда я говорю о почете, я имею в виду тот, какой оказывает каждому из них его шайка, – ибо той слабой части человечества, которую пошлая толпа называет мудрецами, оба они представляются в невыгодном и неблагоприятном свете; к тому же *плут*, пользуясь (и по заслугам) большим почетом у своей шайки, в то же время меньше страдает от поношения со стороны света, полагающего, что его злодейства, как у них это зовется, достаточно будут наказаны петлей, которая, сразу положит конец его мукам и бесчестию, тогда как государственного мужа не только ненавидят, пока он стоит у власти, – его презирают и поносят при его восхождении на эшафот, а грядущие века со злобой чернят его память, между тем как *плут* спит в покое и забвении. Кстати о покое – заглянем в тайники их совести: как мало обременительна мысль о нескольких шиллингах или фунтах, которые ты взял у незнакомца без вероломства и, быть может, без большого ущерба для потерпевшего, по сравнению с мыслью о том, что ты обманул общественное доверие и разрушил благосостояние многих тысяч, возможно целого великого народа! Насколько смелей совершается грабеж на большой дороге, чем за игорным столом, и насколько невинней привратник непотребного дома, чем титулованный сводник!

Он с жаром продолжал свою речь, пока, бросив взгляд на графа, не увидел, что тот крепко спит. Поэтому, выудив сперва у него из кармана три шиллинга, он его легонько дернул за полу, чтобы попрощаться, пообещал зайти еще раз утром к завтраку, и они расстались: граф пошел почивать, а мастер Уайлд – в ночной погребок.

³³ Взломщику.

³⁴ Разбойнику с большой дороги.

³⁵ Лавочному вору. Термины, употребляемые в Особом словаре. (Примеч. автора.)

Глава VI

Дальнейшие переговоры между графом и мастером Уайлдом и прочие великие дела

Наутро граф хватился своих денег и отлично понял, у кого они; но, зная, как бесполезна будет всякая жалоба, он предпочел оставить дело без последствий и не упоминать о пропаже. Правда, иному читателю покажется странным, что эти джентльмены, зная каждый о другом, что тот – вор, ни разу ни единым намеком не выдали в разговоре, что им это известно, – напротив того, слова «честность», «честь» и «дружба» так же часто срывались у них с уст, как и у всех других людей. Это, повторяю, иному покажется странным; но кто подолгу жывал в больших городах, при дворах, в тюрьмах и прочих подобных местах, тем, быть может, нетрудно будет понять эту мнимую несообразность.

Когда наши два приятеля встретились наутро, граф (которому, хотя в целом он не был согласен с рассуждениями друга, все же очень пришлось по душе его доводы) начал жаловаться на свое злосчастное пленение и на несклонность друзей помогать друг другу в нужде; но больше всего, сказал он, его терзает жестокость красавицы. И он посвятил Уайлда з тайну своих отношений с мисс Теодозией, старшей из девиц Снэп, с которой завел интригу с первых же дней своего заключения, а все никак не убедит ее выпустить его на свободу. Уайлд ответил с улыбкой, что нет ничего удивительного, если женщина предпочитает держать своего любезного под замком, раз это ей дает уверенность, что так он будет принадлежать ей безраздельно, но добавил, что, пожалуй, мог бы указать ему надежный способ выйти на свободу. Граф горячо взмолился открыть ему этот способ. Уайлд ему сказал, что нет средства вернее подкупа, и посоветовал испытать его на служанке. Граф поблагодарил, но ответил, что у него не осталось ни фартинга, кроме одной гинеи, которую он дал ей разменять. На что Уайлд сказал, что можно все устроить при помощи посулов, а дальше граф, как человек светский, сумеет оттянуть исполнение обещанного. Граф весьма одобрил совет и выразил надежду, что друг его со временем, склонившись на его уговоры, согласится стать великим человеком, к чему он так превосходно подготовлен.

Договорившись о способе действий, два друга сели за карты, – обстоятельство, о котором я упоминаю только ради того, чтобы показать поразительную силу привычки, ибо граф, хоть и знал, что, сколько бы он ни выиграл, ему все равно не получить с мастера Уайлда ни шиллинга, не удержался и подтасовал колоду; так же и Уайлд не мог не пошарить в карманах друга, хоть и знал, что в них ничего нет.

Когда служанка вернулась, граф принялся ее уговаривать: он предлагал ей все, что имеет, и обещал золотые горы *in futuro*;³⁶ но тщетно – девушка была непоколебима в своей честности: она сказала, что не нарушит доверия хозяев «ни за какие блага на свете, ни даже за сто гиней». Тут приступился к ней Уайлд и объяснил, что ей-де нечего бояться потерять место, потому что никто ничего не узнает: можно будет выбросить на улицу две связанные простыни, чтобы подумали, будто граф вылез в окно; он, Уайлд, сам присягнет, что видел, как тот спускался. А деньги – всегда деньги; как-никак, помимо обещаний, на которые она смело может положиться, ей будет дано наличными двадцать шиллингов девять пенсов (ибо три пенса из гинеи она, как водится, удержала в свою пользу), и, наконец, помимо своей чести, граф вручит ей пару очень ценных золотых пуговиц (впоследствии они оказались медными) как дополнительный залог.

---

³⁶ В будущем (*лат.*).

Служанка, однако, упорно не сдавалась, пока Уайлд не предложил другу в долг еще одну гинею, с тем чтобы тут же отдать ей. Это подкрепление сломило решимость бедной девушки, и она дала твердое обещание вечером отпереть для графа дверь.

Так наш юный герой выручил друга не только своим красноречием, что немногие готовы делать безвозмездно, но еще и деньгами (суммой, с которой иной порядочный человек нипочем бы не расстался и уж нашел бы для этого пятьдесят извинений) и тем возвратил ему свободу.

Но образ Уайлда Великого был бы жестоко опорочен, если бы читатель вообразил, что эту сумму мастер Уайлд одолжил другу без всяких видов на выгоду для себя. И так как читатель без урона для репутации нашего героя свободно может предположить, что наш герой связывал освобождение графа с некоторыми корыстными видами, мы будем надеяться именно на такое милостивое суждение, тем более что дальнейшее течение событий покажет, насколько эта предпосылка о корыстных видах не только разумна, но и необходима.

Тесная близость и дружба надолго связали графа с мастером Уайлдом, который по его совету стал носить хорошую одежду и был им введен в лучшее общество. Они постоянно появлялись вдвоем на балах, аукционах, за карточным столом и на спектаклях; в театре они бывали каждый вечер: посмотрят два акта и затем удаляются, не платя, – по привилегии, которую столичные франты, кажется, присвоили себе с незапамятных времен. Однако Уайлду это было не по вкусу: такие поступки он называл плутнями и возражал против них, утверждая, что они не требуют никакой ловкости и доступны каждому болвану. Дело это, говорил он, сильно отдает *медвежатниной*³⁷, но не так хитро и не так почетно.

Уайлд был теперь заметною фигурой и сходил за джентльмена, располагающего большими деньгами. Светские дамы в обращении с ним допускали известную свободу, юные леди начинали уже пробовать на нем свои чары, когда одно происшествие заставило его отступить от этого образа жизни, слишком пошлого и бездейственного, не позволявшего развернуться его талантам, которым назначено было доставить их обладателю более значительную в свете роль, чем та, что сочетается с образом франта или записного красавца.

---

³⁷ Ограблением магазина. (Примеч. автора.)

Глава VII

Мастер Уайлд отправляется в путешествие и возвращается снова домой. Очень короткая глава, охватывающая неизмеримо больший период времени и меньший материал, чем любая другая во всей нашей повести

К сожалению, мы не можем удовлетворить любопытство нашего читателя полным и исчерпывающим отчетом об этом происшествии. О нем имеется несколько различных версий, но из них может быть только одна, отвечающая истине, а возможно, и даже очень вероятно, что такой и вовсе нет; поэтому, отступив от обычного метода историков, которые в подобных случаях приводят ряд различных вариантов и предоставляют вам выбирать между ними по собственному разумению, мы обходим молчанием все версии.

Достоверно лишь одно: в чем бы ни состояло это происшествие, оно привело отца нашего героя к решению немедленно отправить сына на семь лет за границу, и притом – что может показаться довольно примечательным – на плантации его величества в Америке³⁸, так как, по его словам, эта часть света свободней от пороков, чем столицы и дворы европейских государей, и, следовательно, менее губельна для нравственности молодого человека. Что же касается преимуществ, то они, по мнению старого джентльмена, не уступали тем, какие предлагают страны более мягкого климата. Путешествие есть путешествие, сказал он, что по одной части света, что по другой; оно заключается в том, чтобы пробыть такой-то срок вдали от дома и проделать столько-то миль пути; и он сослался на опыт большинства наших путешественников по Италии и Франции: разве по их возвращении не оказывалось, что их с такой же пользой можно было бы послать в Норвегию и Гренландию?

Итак, согласно решению отца, юный джентльмен был посажен на корабль и в многочисленном и приятном обществе отбыл в Западное полушарие. Срок его пребывания там точно не известен; всего вероятнее, он прожил там дольше, чем предполагал. Но как ни долго отсутствовал наш герой, эти годы должны составить пробел в настоящей повести, так как вся его история в целом содержит немало похождений, достойных занять внимание читателя, и являет собой сплошную картину распутства, пьянства и передвижения с места на место.

Признаться, нам стало так стыдно за краткость этой главы, что мы решились было совершить насилие над историей и включить в нашу хронику два-три приключения какого-нибудь другого путешественника. С этой целью мы просмотрели путевые записки нескольких молодых джентльменов, вернувшихся недавно из поездки по Европе; но, к нашему большому огорчению, не могли извлечь из них ни одного происшествия, достаточно яркого, чтобы оправдать перед нашей совестью подобное воровство.

Когда мы думаем о том, какой смешной должна выглядеть эта глава, охватывающая по меньшей мере восемь лет, нас утешает лишь одно: что биографии многих людей – и, может быть, людей, которые немало нашумели в мире, – в сущности представляют собою такой же сплошной пробел, как путешествие нашего героя. Итак, поскольку в дальнейшем мы намерены с преизбытком возместить этот пропуск, поспешим перейти к делам поистине значительным и беспримерно великим. Здесь же удовольствуемся тем, что приведем нашего героя туда, где мы с ним расстались; а читателям уже известно, что он уезжал, пробыл за морем семь лет и затем вернулся домой.

---

³⁸ После завоевания североамериканскими колониями независимости «заморской тюрьмой» Англии станет Австралия.

Глава VIII

Похождение, при котором Уайлд, производя раздел добычи, являет удивительный образец величия

один прекрасный вечер граф с большим успехом подвизался за игорным столом, где среди присутствующих находился и Уайлд, только что вернувшийся из странствий; был среди них и один молодой джентльмен по имени Боб Бэгшот³⁹, знакомый мистера Уайлда, о котором наш герой был самого высокого мнения. Поэтому, отведа мистера Бэгшота в сторону, Уайлд ему посоветовал раздобыть (если у него нет при себе) пару пистолетов и напасть на графа, когда тот пойдет домой, и пообещал, что сам, тоже при пистолетах, будет держаться поблизости, в качестве *corps de reserve*⁴⁰, и подоспеет в случае нужды. Замысел был соответственно приведен в исполнение, и графу пришлось под напором грубой силы отдать то, что он таким благородным и учтивым способом взял за игрой.

А так как, по мудрому замечанию философов, беда никогда не приходит одна, граф, едва пройдя осмотр со стороны мистера Бэгшота, тут же попал в руки мистера Снэпа, который вместе с мистером Уайлдом-старшим и еще двумя джентльменами, имея на то, по-видимому,

³⁹ *Боб Бэгшот*. – Робин из Бэгшота (опасная для путешественников пустошь к северо-западу от Лондона) – герой «Оперы нищего» Дж. Гея.

⁴⁰ Резервного отряда (*фр.*).

законные полномочия, схватил несчастного графа и отвел его обратно в тот самый дом, откуда при содействии доброго друга он в свое время бежал.

Мистер Уайлд и Бэгшот пошли вдвоем в харчевню, где мистер Бэгшот предложил (как думал он, вполне великодушно) разделить добычу: разложив деньги на две неравные кучки и добавив к меньшей кучке золотую табакерку, он предложил мистеру Уайлду выбрать любую.

Мистер Уайлд, следуя своему превосходному правилу: «сперва закрепи за собой, сколько можешь, а потом дерись за остальное», немедленно отправил в карман ту кучку, в которой было больше наличных денег, затем, повернувшись к своему компаньону и сделав строгое лицо, спросил, уж не намерен ли тот забрать себе все остальное. Мистер Бэгшот ответил с некоторым удивлением, что мистеру Уайлду, полагает он, не на что жаловаться: неужели же это нечестно – во всяком случае, со стороны добытчика – удовольствоваться равной долей добычи, когда вся она взята им одним?

– Согласен, взяли ее вы, – ответил Уайлд, – но позвольте, кто предложил ее взять? И кто указал как? Станете ли вы отрицать, что вы просто выполнили мой план и больше ничего? И разве я не мог бы, когда б захотел, нанять другого исполнителя? Вы же знаете, в зале не было ни одного джентльмена, который отказался бы взять деньги, сообразил он только, как совершить это, не подвергаясь опасности.

– Что верно, то верно, – возразил Бэгшот, – но не я ли привел план в исполнение? И не я ли взял на себя весь риск? Разве не понес бы я один все наказание, если бы меня накрыли, и разве работнику не причитается никакой платы?

– Бесспорно, причитается, – говорит Джонатан, – и я не отказываюсь уплатить вам по найму, но это все, чего вправе требовать и что получает работник. Помню, когда я учился в школе, мне довелось услышать один стишок, очень поучительный, который произвел на меня большое впечатление: в нем говорилось, что птицы в воздухе и звери в поле трудятся не на себя. Правда, фермер дает корм своим быкам и пастбища овцам, но он это делает ради собственной выгоды, а не для них. Равным образом пахарь, пастух, ткач, и строитель, и солдат работают не на себя, а на других; они довольствуются скудной долей (платой работника) и позволяют нам, *великим*, пользоваться плодами их труда. Аристотель, как говорили нам учителя, ясно доказывает в первой книге своей «Политики», что низкая, подлая, полезная часть человечества – это прирожденные рабы, покорные воле высших и такая же их собственность, как скот. Недаром про нас, про смертных высшего порядка, сказано, что мы рождены только поесть плоды земли; и так же можно было бы сказать о людях низшего разряда, что они рождены только производить для нас эти плоды. Разве не потом и кровью простого солдата выигрывается битва? Но честь и плоды победы не достаются разве генералу, составившему план кампании? Разве строится дом не трудами плотника и каменщика? Но не для выгоды ли архитектора строится он, и поселятся в нем жильцами не те ли, кто не умеет положить как надо кирпич на кирпич? Сукно и шелк вырабатываются со всею тонкостью и расцветиваются во все цвета радуги не теми ли, кто вынужден сам довольствоваться за свою работу лишь самой грубой и жалкой долей, тогда как выгода и радости его труда достаются в удел другим? Оглядитесь и посмотрите, кто живет в самых великолепных домах, услаждая свой вкус самыми дорогими лакомствами, а зрение – красивейшими статуями и самыми изящными картинами, кто носит самые изысканные, самые роскошные наряды, и скажите мне: из них изо всех, овладевших этими благами, найдется ли хоть один, кто участвовал бы лично в их производстве или кто обладает для этого хоть малейшим умением? Почему же для *плута* должны быть другие правила, чем для всех остальных? Или почему вы, будучи только наемным работником, исполнителем моего плана, вправе рассчитывать на долю в прибыли? Послушайтесь совета: сдайте мне всю добычу и, положившись на мою милость, предоставьте мне вас вознаградить.

Мистер Бэгшот молчал с минуту, точно громом пораженный, потом, оправившись от изумления, начал так:

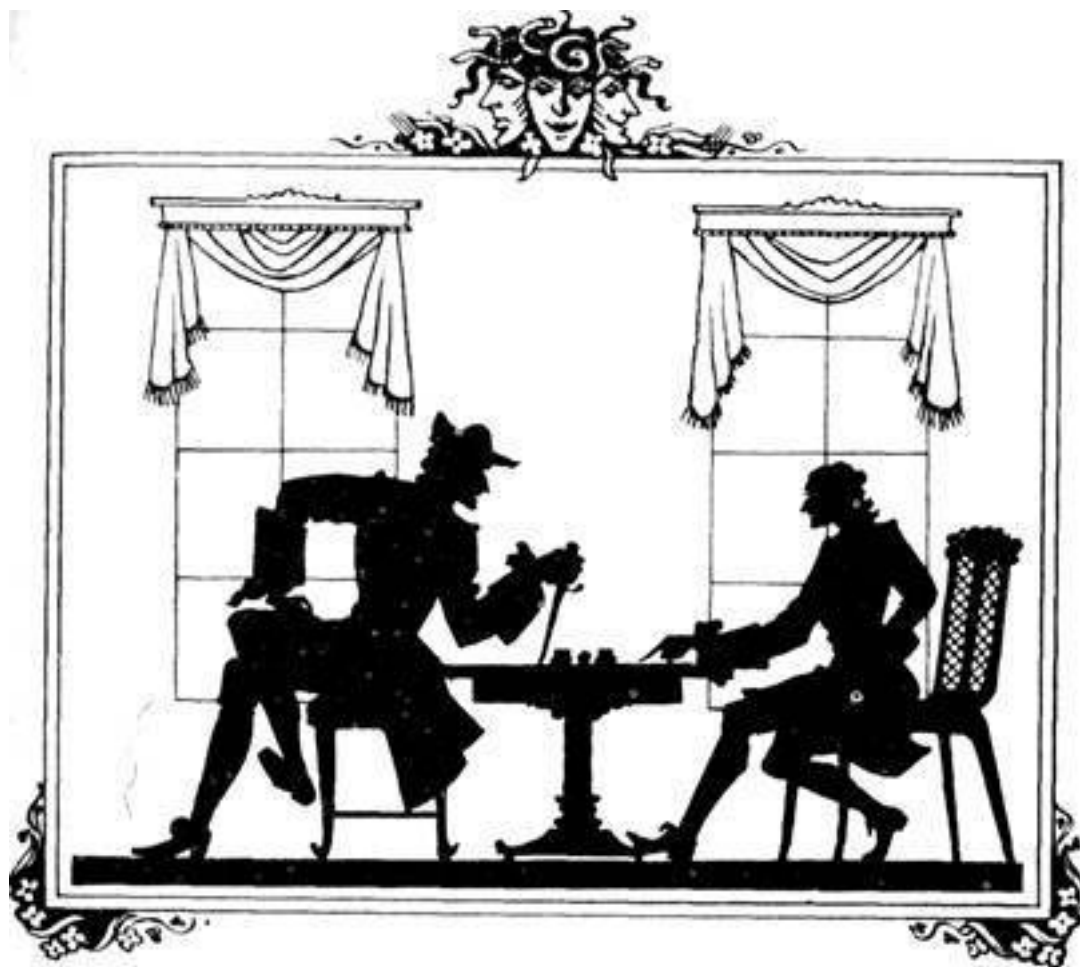
– Если вы думаете, мистер Уайлд, силою ваших доводов вытянуть деньги из моего кармана, то вы сильно ошиблись. Что мне весь этот вздор? Я, черт возьми, человек чести, и, хоть и не умею говорить так красиво, как вы, вам, ей-богу, не сделать из меня дурака; а если вы считаете меня таковым, то вы, скажу я вам, негодяй!

С этими словами он положил руку на пистолет. Уайлд, видя, к сколь ничтожному успеху привела великая сила его доводов и как горяч нравом его друг, решил повременить со своим намерением и сказал Бэгшоту, что пошутил. Но холодный тон, каким он попробовал затушить пламень противника, подействовал не как вода, а скорее как масло. Бэгшот в ярости наскочил на него.

– Такие шутки я, черт возьми, не терплю! – заявил он. – Я вижу, что вы подлец и негодяй.

Уайлд с философским спокойствием, достойным величайшего восхищения, отвечал:

– Что касается вашей ругани, то меня она не задевает; но чтоб вы убедились, что я вас не боюсь, давайте положим всю добычу на стол, и пусть она вся пойдет победителю!

С этими словами он выдернул сверкающий нож, так ослепивший Бэгшота своим блеском, что тот заговорил совсем по-иному. Да нет, сказал он, с него довольно и того, что он уже получил; и смешно им ссориться между собой: с них предостаточно внешних врагов, против которых нужно объединить свои силы; а если он принял Уайлда не за то, что он есть, то ему-де очень жаль; ну а шутка – что же, шутку он способен понять не хуже всякого другого. Уайлд, обладавший удивительным умением разбираться в человеческих страстях и применяться к ним, глубже проник теперь в мысли и чувства своего приятеля и, поняв, какие доводы сильнее всего

подействуют на него, громогласно закричал, что тот вынудил его вытащить нож, а раз уж дошло до ножа, то он его «не вложит в ножны, пока не получит удовлетворения».

– Какого же вы хотите удовлетворения? – спросил тот.

– Ваших денег или вашей крови, – сказал Уайлд.

– Видите ли, мистер Уайлд, – молвил Бэгшот, – если вы хотите признаться немного из моей доли, то, зная вас как человека чести, я готов одолжить вам сколько надо; потому что, хоть я и не боюсь никого на свете, но чем порывать мне с другом... когда к тому же вам, быть может, необходимы деньги из-за особых каких-нибудь обстоятельств...

Уайлд, неоднократно заявлявший, что заем представляется ему отнюдь не худшим способом отбирать деньги и является самым, как он выражался, деликатным видом карманничества, спрятал нож и, пожав приятелю руку, сказал ему, что он попал в точку: его в самом деле прижали обстоятельства и понудили пойти против собственной воли, так как завтра он по долгу чести обязан выплатить значительную сумму. Затем, удовольствовавшись половиной из доли Бэгшота и получив, таким образом, три четверти всей добычи, он распростился со своим сообщником и пошел спать.

Глава IX

Уайлд навещает мисс Петицию Снэп. Описание этой прелестной молодой особы и безуспешный исход исканий мистера Уайлда

На другое утро, когда герой наш проснулся, ему пришла мысль нанести визит мисс Тиши Снэп, женщине больших заслуг и не меньшей щедрости; мистер Уайлд, однако, полагал, что к подарку она всегда отнесется благосклонно, как к знаку уважения со стороны поклонника, поэтому он пошел прямо в магазин безделушек и, купив там премиленькую табакерку, отправился с нею к своей даме, которую застал в самом прелестном и небрежном утреннем убранстве. Ее чудесные волосы прихотливо свешивались на лоб, не так чтобы белый от пудры, но и не лишенный ее следов; под подбородком был заколот чистенький платочек, который она проносила, по-видимому, всего лишь несколько недель; кое-какие остатки того, чем женщины подправляют природу, блестели на ее щеках; стан ее был облачен в свободную одежду, без корсета и шнуровок, так что грудь с нестесняемой свободой играла своими двумя очаровательными полушариями никак не ниже пояса; тонкий покров примятой кисейной косынки почти скрывал их от взора и только в нескольких местах милостивая дырочка давала возможность проглянуть их наготу. Капот на ней был атласный, белесого цвета, с десятком небольших серебряных крапинок, так искусно разбросанных по ткани на больших промежутках, что казалось, их рассыпала по ней нечаянно чья-то рука; разлетаясь, он открывал великолепную желтую юбку, красиво отороченную по подолу узкой полоской позолоченного кружева, почти превратившегося в бахрому; из-под юбки выглядывала другая, топорщившаяся на китовом усе, именуемом в просторечии обручем, и свисавшая из-под первой не меньше как на шесть дюймов; а из-под нее выглядывало еще одно исподнее одеяние того цвета, который подразумевает Овидий, говоря: «*Qui color albus erat nunc est contrarius albo*».⁴¹

---

⁴¹ Цвет, который был белым, стал теперь противоположным белому (*лат.*).

Из-под всех этих юбок можно было также разглядеть две славные ножки, обтянутые шелком и украшенные кружевом, причем правая была перевязана роскошной голубой лентой, а левая, как менее достойная, полоской желтой материи – должно быть, лоскутом от верхней юбки. Такова была милая дама, которую дарил своим вниманием мистер Уайлд. Она приняла его поначалу с тою холодностью, которую строго добродетельные женщины с похвальной, хоть и мучительной сдержанностью проявляют в отношении своих почитателей. Табакерка, когда он ее извлек, была сперва вежливо и очень мягко отклонена, но при повторном подношении принята. Гости пригласили скоро к чайному столу, где между молодою любящей четой произошел разговор, который, если бы точно его воспроизвести, был бы для читателя очень поучителен, равно как и занятен; довольно сказать, что остроумие молодой особы в сочетании с ее красотой так распалило чувства мистера Уайлда – крайне бурные, хоть и самого честного свойства, – что, увлеченный ими, он позволил себе вольности, слишком оскорбительные для благородного целомудрия Летиции, которая, признаваясь, сохранением своей добродетели была на этот раз обязана больше собственной силе, чем благоговейному почтению или воздержанию поклонника; он оказался, по правде говоря, так настойчив в своих исканиях, что, если бы много раз клятвенно не обещал ей жениться, мы едва ли вправе были бы назвать его чувства честными; но он был так необычайно привержен приличию, что никогда не применял насилия ни к одной девице без самых серьезных обещаний: обещания жениться, говорил он, дань, подобающая женской скромности, и так мало стоят, так легко произносятся, что уклоняться от уплаты этой дани можно только из пустого каприза или же по грубости. Прелестная Летиция, то ли из благоразумия, то ли, может быть, по набожности, о которой так любила поговорить, оставалась глуха ко всем его посулам и, к счастью, непобедима и для силы.

Хоть она и не была обучена искусству хорошо сжимать кулак, природа все же не оставила ее беззащитной: на концах своих пальцев она носила оружие, которым пользовалась с такой поразительной ловкостью, что горячая кровь мистера Уайлда вскоре проступила мелкими крапинками на его лице, а его распухшие щеки стали похожи на другую часть тела (ту, которую скромность не позволяет мальчикам обнажать нигде, кроме как в школе), после того как тяжелый на руку педагог поупражнял на ней свои таланты. Уайлд отступил с поля битвы, а победительница Летиция с законным торжеством и благородным воодушевлением прокричала:

– Бесстыжие твои глаза! Если это у тебя называется доказывать свою любовь, я, будь покоен, так тебе наподдам, что только держись!

Затем она перешла на разговор о своей добродетели, которую Уайлд попросил ее прихватить с собой и идти к черту, и на этом нежная чета рассталась.

Глава X

Раскрытие некоторых обстоятельств касательно целомудренной Петиции, которые сильно удивят, а возможно, и расстроят нашего читателя

Едва мистер Уайлд удалился, как прекрасная победительница открыла дверцу чулана и выпустила на волю молодого джентльмена, которого она там заперла, почуяв приближение другого. Звали этого рыцаря Том Смэрк⁴². Он служил писарем у одного стряпчего и был поистине первым франтом и первым любимцем дам в том конце города, где он жил. Так как мы признаем одежду самым характерным или самым важным отличием франта, мы не станем давать характеристики этого молодого джентльмена, а только опишем нашим читателям его костюм. Итак, на ногах у него были белые чулки и легкие башмаки; пряжки на этих башмаках представляли собой кусок посеребренной латуни, закрывавшей почти всю стопу. Штаны на нем были из красного плюша и едва достигали колен; жилет – из белого канифаса, богато расшитого желтым шелком, а поверх него ярко-синего плюша кафтан с металлическими пуговицами, рукавами необыкновенного покроя и воротником, спускавшимся до середины спины. Парик был у него коричневого цвета и покрывал почти половину головы, а на голове висела с одного бока маленькая треуголка с галуном, очень изящно изогнутая. Таков был в своем совершенстве Смэрк, которого, как только он вышел из чулана, прелестная Летиция приняла в свои объятия. Она обратилась к нему, назвав нежным именем, и сказала, что выпроводила противного человека, которого ее отец прочит ей в мужья, и теперь ничто не помешает ее счастью с «дорогим Томми».

---

⁴² Смэрк – смысловая фамилия: щеголь, хлыст.

Здесь, читатель, ты нас должен извинить, если мы на минуту остановимся, чтобы поговорить на своеобразие природы, проявленное при создании очаровательной половины творения, предназначенной дополнить счастье мужчины – своею нежной невинностью смягчить его жестокость, своей веселостью скрасить для него заботы и неизменной дружбой облегчить ему возможные тревоги и разочарования. И вот, зная, что именно эти блага главным образом ищет и обычно находит в жене мужчина, можем ли мы не жаловаться на странную особенность милых созданий, склоняющую их дарить своими милостями тех представителей сильного пола, которые отнюдь не отмечены природой как венец ее мастерства! Ибо, сколь бы ни были полезны в мироздании франты (нас учат, что блоха и та не создана зря), бесспорно, все они, включая даже наиболее блистательный и уважаемый отряд их – тех, кого на нашем острове природа для отличия облачила в красное⁴³, – отнюдь не являются, как полагают иные, самым благородным произведением творца. Я, со своей стороны, пусть кто другой изберет себе для образца двух франтов, пусть хоть капитанов или полковников, одетых так изящно, как никто и никогда, – я осмелюсь противопоставить одного сэра Исаака Ньютона, одного Шекспира, одного Мильтона – или, может быть, еще кого-нибудь – обоим этим франтам, вместе взятым; и я сильно подозреваю, что если бы из них обоих ни один не родился на свет, то мир в целом пострадал бы от этого меньше, чем лишившись тех великих благ, какими его одарила деятельность любой из названных личностей.

Если это верно, то как печально сознавать, что один какой-нибудь фронт, особенно если есть у него на шляпе хоть пол-ярда ленты, больше потянет на весах женской нежности, чем два-

⁴³ Имеется в виду военное сословие (по цвету мундиров). Офицеры были «отличены» дополнительно: черной лентой на шляпе.

дцать сэров Исааков Ньютонов! Как должен наш читатель, быть может благопристойно объяснивший тот отпор, который целомудренная Летиция оказала бурным исканиям распаленного Уайлда, неприступной добродетелью этой дамы, – как он должен, говоря я, залиться краской, увидев, что она отбрасывает всю строгость своего поведения и предается вольностям со Смэрком! Но увы! Когда мы все раскроем, как требует того правдивость нашей повести, когда мы расскажем, что они отринули стеснение и что прекрасная Летиция (здесь, в единственном этом случае, мы должны пойти по стопам Вергилия, опустившего кое-где *piusi pater*⁴⁴, и опустить наш излюбленный эпитет «целомудренная»), – что прекрасная, говоря я, Летиция, подарила Смэрку то счастье, которого добивался Уайлд, – какое смущение должно будет тогда охватить читателя! Поэтому, следуя свойственному нам уважению к женщине, мы опустим занавес над этой сценой и перейдем к делам, которые не только не бесчестят род человеческий, но придают ему величие и благородство.

---

⁴⁴ *Pius* (благочестивый) и *pater* – постоянные эпитеты Энея у Вергилия.

Глава XI, содержащая замечательный образец величия, не уступающий тем, какие дает нам древняя и новая история. Заканчивается некоторыми здравыми указаниями веселым людям

Едва расставшись с целомудренной Летицией, Уайлд вспомнил, что друг его граф Ла Рюз снова водворился в прежней своей квартире в этом доме, и решил его навестить; он не принадлежал к тем полувоспитанным людям, которые, ограбив или предав друзей, стыдятся с ними встретиться; обладая низменной и жалкой натурой, эти люди способны на чудовищные жестокости и в своей стыдливости доходят порой до того, что убивают или вконец разоряют друга, когда совесть им подсказывает, что они виновны перед ним в небольшом проступке – в совращении жены или дочери друга, в клевете на него самого, в предательстве или ином подобном пустяке. В нашем герое не было ничего, что чуждо подлинному величию: он мог без тени замешательства распить бутылку с человеком, которому только что залез в карман и который это знает; а обобрав, никогда не стремился и дальше чинить ему зло, ибо его доброта достигала такой удивительной и необычайной высоты, что он никогда не наносил обиды ближнему, если не рассчитывал получить от этого какую-либо пользу для себя. Он говаривал не раз, что, действуя наоборот, человек часто вступает в невыгодную сделку с чертом и работает даром.

Наш герой застал узника не сетующим недостойно на судьбу и не предающимся отчаянию – о нет, разумно покорившись своей участи, граф занимался делом: подготавливал карточные колоды для своих будущих подвигов. Нимало не подозревая, что Уайлд был единственным виновником постигшей его беды, он встал и радостно обнял его, а Уайлд отвечал на объятие с равной теплотой. Потом, как только они оба сели, Уайлд, заметив лежавшие на столе колоды, воспользовался случаем обрушиться на карточную игру. С обычной своей достохвальной непринужденностью он сперва преувеличенно расписал печальное положение, в каком очутился граф, а затем обвинил во всех его несчастьях этот проклятый зуд к игре, который один, сказал он, навлек, очевидно, на графа этот арест и в дальнейшем неизбежно погубит его. Ла Рюз с большим жаром защищал свою любимую забаву (или, скорее, профессию) и, рассказав Уайлду, как он успешно вел игру после его столь несвоевременного ухода, поведал о приключившемся с ним далее несчастье, о котором тому, как и читателю, было уже кое-что известно; он добавил только одно обстоятельство, прежде не упоминавшееся, а именно: что он защищал свои деньги с чрезвычайной храбростью и опасно ранил не менее двух из троих напавших на него грабителей. Уайлд, отлично зная, с какой готовностью отдана была добыча и как всегда прохладна отвага графа, похвалил такой образ действий и выразил сожаление, что не присутствовал при грабеже и не мог помочь другу. Граф отвел душу в жалобах на то, как беспечна стража и какой это позор для властей, что честный человек не может безопасно ходить по улицам; затем, отдав этому предмету достаточную дань, он спросил мистера Уайлда, видел ли он когда-нибудь такое невероятное везение (так ему угодно было назвать свой выигрыш, хотя для Уайлда, как он знал, не было секретом, что он держит в кармане кости со свинцом). Уайлд отвечал, что это везение поистине невероятно – почти настолько, что человек, недостаточно знающий графа, вправе был бы заподозрить его в нечестной игре.

– Об этом, – возразил граф, – никто, я полагаю, не посмел бы заикнуться.

– О, конечно, – сказал Уайлд, – вас слишком хорошо знают как человека чести. Но простите, сэр, – продолжал он, – негодяи отобрали у вас все?

– До последнего шиллинга! – вскричал тот и крепко выругался. – На одну бы ставку – нет, и того не оставили!

Пока они так беседовали, мистер Снэп вместе с сопровождавшим его джентльменом представили почтенному обществу мистера Бэгшота. По-видимому, мистер Бэгшот, расставшись с мистером Уайлдом, тотчас же вернулся к игорному столу. Но когда он доверил Фортуне добытое с трудом сокровище, коварная богиня предательски обманула его и выпустила из-за стола с такими пустыми карманами, какие только можно найти в расшитом кафтане у нас в королевстве. И вот когда наш джентльмен шел в один небезызвестный дом, или сарай, на Ковент-Гарденском рынке, ему посчастливилось встретиться с мистером Снэпом, который успел отвести графа в свое жилище и теперь прохаживался перед дверьми игорного дома; ибо если вы, мой любезный читатель, не принадлежите к городским повесам, то надо вам объяснить: подобно тому как прожорливая щука залегает в камышах перед устьем какой-нибудь речушки, впадающей в большую реку, и подкарауливает малую плотицу, которую несет поток, – так часами перед дверью или устьем игорных домов мистер Снэп или другой джентльмен его профессии поджидает появления какой-нибудь мелкой рыбешки – молодого джентльмена – и, дождавшись, вручает ему клочок пергамента, содержащий приглашение оногo молодого джентльмена к ним в дом вместе с неким Имярек⁴⁵ – личностью, без которой никак не обойтись. Среди прочих таких пригласительных билетов у мистера Снэпа был случайно один на имя мистера Бэгшота – иск, или ходатайство, некоей миссис Энн Сэмпл, пожилой девицы, у которой оный Бэгшот прожил на квартире несколько месяцев и затем без предупреждения съехал, не попрощавшись по всем правилам, в связи с чем миссис Энн и решила договориться с ним таким путем.

Мистеру Снэпу, поскольку дом его был полон хорошего общества, пришлось провести мистера Бэгшота в комнату графа – единственную, по его словам, где он мог «замкнуть» человека. Едва увидев Бэгшота, мистер Уайлд кинулся обнимать друга и тотчас представил его графу, который раскланялся с ним очень учтиво.

---

⁴⁵ Вымышленное имя, вставляемое в каждый документ; в каких целях – юристы это знают лучше. (Примеч. автора.)

Глава XII

Новые подробности касательно мисс Тиши, которые после прежних едва ли сильно удивят читателя. Описание очень изящного джентльмена. И диалог между Уайлдом и графом со ссылками на гражданскую добродетель и т. д. и т. д.

Едва мистер Снэп повернул ключ в замке, как служанка Снэпов вызвала мистера Бэгшота из комнаты и сказала, что его ждет внизу одна особа, которой желательно с ним поговорить; особа эта оказалась не кем другим, как мисс Летицией Снэп, в чьих поклонниках мистер Бэгшот издавна состоял и в чьей нежной груди его страсть пробудила более пламенный отклик, чем искания всех его соперников. В самом деле, она не раз открывалась наперсницам в любви к этому юноше и даже говорила, что если бы могла помыслить о жизни с каким-нибудь одним мужчиной, то этим одним был бы мистер Бэгшот. И она была не одинока в своей склонности – многие другие молодые дамы, соперничая с нею, домогались этого любовника, обладавшего всеми высокими и благородными достоинствами, которые необходимы истинному кавалеру и которые природа, расщедрившись, не часто дарит одному лицу. Постараемся, однако, описать их со всею возможной точностью. Ростом он был шести футов, отличался толстыми икрами, широкими плечами, румяным лицом при каштановых вьющихся волосах, скромной уверенностью осанки и чистым бельем. Правда, нельзя не признать, что, в противовес этим героическим достоинствам, ему присущи были и некоторые маленькие недостатки: он был самым тупым человеком на свете, не умел ни писать, ни читать и во всем его существе не было ни крупницы, ни проблеска чести, честности или доброты.

Как только мистер Бэгшот вышел из комнаты, граф взял Уайлда за руку и сказал, что должен сообщить ему нечто очень важное.

– Я твердо уверен, – промолвил он, – что этот Бэгшот – то самое лицо, которое меня ограбило.

Уайлд вскочил, изумленный этим открытием, и ответил с самым серьезным видом:

– Советую вам поосторожней бросать подобные замечания о человеке столь высокой чести, как Бэгшот; я уверен, что он этого не потерпит.

– Черта мне в его чести! – проговорил взбешенный граф. – Я терпеть не могу, когда меня грабят; я подам в суд.

В высоком негодовании Уайлд объявил:

– Раз вы позволяете себе выдвигать такое подозрение против моего друга, я порываю с вами всякое знакомство. Мистер Бэгшот – человек чести и мой друг, а следовательно, не может быть повинен в дурном поступке.

Он еще многое говорил на ту же тему, что, однако, не произвело на графа ожидаемого действия: тот по-прежнему оставался уверен в своей догадке и тверд в решимости обратиться в суд, почитая это своим долгом, сказал он, как перед самим собой, так и перед обществом. Тогда Уайлд сменил гневный вид на нечто вроде усмешки и заговорил следующим образом:

– Предположим, мистер Бэгшот в самом деле шутки ради (иначе я выразиться не могу) прибег к такому способу займа, – чего вы добьетесь, отдав его под суд? Только не возврата своих денег, так как вы уже слышали, что его обобрали за игорным столом (о чем Бэгшот успел им сообщить в их недолгом собеседовании); значит, это вам даст возможность еще крепче сесть на мель, поскольку вам придется оплатить вдобавок судебные издержки. Вторая выгода, какой вы можете ждать для себя, это взбучка в каждом игорном доме Лондона, каковую я вам

гарантирую; и после этого большую пользу вы получите, конечно, если будете сидеть и думать с удовлетворением, что исполнили свой долг перед обществом! Я стыжусь своей близорукости: как я мог принимать вас за великого человека! Не лучше ли будет для вас частично (а то и сполна) получить назад ваши деньги, разумно умолчав обо всем? Ибо, как ни порожен⁴⁶ сейчас мистер Бэгшот, если он в самом деле разыграл с вами эту шутку, то, будьте уверены, он сыграет ее и с другими; а когда он будет при деньгах, вы можете твердо рассчитывать на возмещение; преследование законом от вас никуда не уйдет, но к этому средству порядочный и умный человек прибегает в последнюю очередь. Предоставьте же все дело мне; я спрошу Бэгшота, и, если увижу, что эту шутку сыграл с вами он, моя собственная честь вам порукой: в убытке вы не останетесь.

Граф ответил:

– Если я могу быть уверен, что не останусь в убытке, мистер Уайлд, то вы, надеюсь, не столь уж дурного мнения обо мне и не вообразите, что я стану преследовать джентльмена только ради общественных интересов. Это, безусловно, лишь пустые слова, произносимые нами по дурацкой привычке, и мы часто роняем их непреднамеренно и неосознанно. Уверю вас, я хочу только одного – вернуть свои деньги; и если при вашем посредстве я могу этого достичь, то общество может...

Он заключил фразу выражением слишком грубым, чтобы привести его в такого рода хронике.

Тут их известили, что обед готов и вся компания собралась внизу в столовой, куда читатель, если ему угодно, может последовать за нашими джентльменами.

За столом сидели мистер Снэп и две девицы Снэп, его дочери, мистер Уайлд-старший, мистер Уайлд-младший, граф, мистер Бэгшот и один степенный джентльмен, раньше имевший честь служить в пехотном полку, а теперь занятый делом, быть может еще более полезным: он помогал, или, как говорится, «сопутствовал», мистеру Снэпу при вершении законов страны.

За обедом не произошло ничего особо примечательного. Разговор (как принято в учтивом обществе) шел главным образом о том, что они кушали сейчас и что им доводилось кушать недавно. При этом джентльмен из военных, служивший когда-то в Ирландии, дал им весьма обстоятельный отчет о новом способе жарить картошку, а прочие собеседники – о других блюдах. Словом, беспристрастный наблюдатель заключил бы из их разговора, что все они рождены на свет для одного лишь назначения – набивать себе животы; и в самом деле, это было если не главной, то самой невинной целью, какую могла преследовать природа, сотворяя их.

Как только убрали со стола и дамы удалились, граф предложил перекинуться в кости; и когда вся компания согласилась и кости тут же принесли, граф взял ящик и спросил, кто пойдет против него. Но никто не откликнулся, так как все, наверно, полагали, что у графа в карманах более пусто, чем было на деле, ибо этот джентльмен (вопреки тому, в чем он с таким жаром поклялся мистеру Уайлду) со времени своего прибытия к мистеру Снэпу отправил в заклад кое-какое серебро и теперь имел в наличии десять гиней. Поэтому граф, видя замешательство своих друзей и, вероятно, догадываясь о причине, вынул из кармана эти гиней и бросил их на стол; тогда (увы, такова сила примера) все остальные стали извлекать свои капиталы, и тут, когда перед взорами забрезжила значительная сумма, игра началась.

---

⁴⁶ Беден. (Примеч. автора.)

Глава XIII

Глава, которой мы чрезвычайно гордимся, видя в ней поистине наш шедевр. Она содержит в себе чудесную историю о дьяволе и неподражаемо изящную сцену, в которой торжествует честь

Читатель, будь он даже игрок, не поблагодарил бы меня за точный отчет об успехах каждого из наших героев; достаточно будет сказать, что игра шла до тех пор, пока все деньги не исчезли со стола. Унес ли их сам дьявол, как заподозрили некоторые, я не берусь определить; но было крайне удивительно, что, по заявлению каждого, они все проиграли. и никто не мог понять, кто же выиграл, если не *дьявол*.

Хотя вполне возможно, что исконный враг рода человеческого получил некоторую долю добычи, однако едва ли ему досталось все, поскольку в значительном выигрыше был, как полагают, мистер Бэгшот, несмотря на его уверения в противном, – ибо несколько лиц видели, что он частенько опускал деньги в карман. Эту догадку подтверждает также и то обстоятельство, что степенный джентльмен – тот самый, что служил отечеству на двух почетных поприщах, – в тот день, не желая полагаться на одно лишь свидетельство своих глаз, неоднократно запускал руку в карман вышеназванного Бэгшота, откуда (как он на то намекает в опубликованной им впоследствии аполгии своей жизни)⁴⁷ он, может быть, и вытянул несколько монеток, но все же, по его уверению, там оставалось еще немало. В пылу игры Бэгшот долго не замечал, как сей джентльмен удовлетворял таким путем свое любопытство, и, только собравшись уже уходить, обнаружил это тонкое упражнение в ловкости; тут он в бешенстве вскочил со стула и закричал:

– Я думал, что нахожусь среди джентльменов и людей чести, но, черт меня возьми, в нашу компанию, я вижу, затесался карманник!

Оскорбительный звук этого слова не на шутку взволновал всех присутствующих, и все они выказали не меньше удивления, чем выразила бы Конвокация⁴⁸ (к прискорбию, уже не заседающая в наши дни), услышав, что в зале находится атеист; но особенно задело оно джентльмена, в которого метило, хотя и не было прямо к нему адресовано. Он тоже вскочил со стула и с яростью в лице и в голосе спросил:

– Вы имеете в виду меня? Чума вас возьми, подлец вы и мерзавец!

За этими словами тотчас пошли бы в ход кулаки, если бы не вмешались присутствующие и силой не развели противников. Прошло, однако, много времени, пока их убедили снова сесть; когда же наконец это было благополучно достигнуто, мистер Уайлд-старший, добродушный пожилой человек, посоветовал им пожать друг другу руки и быть друзьями; но джентльмен, который подвергся оскорблению первым, наотрез отказался и поклялся, что «негодяй заплатит ему кровью». Мистер Снэп горячо одобрил его решение, утверждая, что эта обида отнюдь не из таких, чтобы человек, называющий себя джентльменом, мог с ней примириться, и если его друг не намерен должным образом взыскать за нее, то он, Снэп, не произведет больше ни одного ареста в компании с ним; что он всегда смотрел на него как на человека чести и не сомневается, что таковым он и покажет себя; и что, случись такое с ним самим, его ничто не убедило бы спустить обиду без надлежащего удовлетворения. Граф высказался в том же смысле, и сами противники пробормотали несколько выразительных слов о своих намерениях.

---

⁴⁷ Он издал ее не самостоятельной книгой, в подражание некоторым подобным лицам, а в виде судебных отчетов, показаний и т. д., куда следовало бы включить все аполгии жизней плутов и шлюх, опубликованные за последние двадцать лет. (Примеч. автора.) Неприкрытый намек на автобиографию К. Сиббера

⁴⁸ Конвокация – собор духовенства Кентерберийской и Йоркской епархий. В 1717—1852 гг. не созывались.

Наконец мистер Уайлд, наш герой, медленно поднявшись со стула и сосредоточив на себе внимание всего общества, заговорил так:

– Я с бесконечным удовольствием выслушал все, что два джентльмена, говорившие последними, высказали о чести. Никто, конечно, не может придавать этому слову более высокий и благородный смысл или больше ценить его неопределимое значение, чем я сам. И если нет у нас наименования для этого понятия в нашем особом словаре, то выразим пожелание, чтобы оно появилось. Честь поистине составляет существенное качество джентльмена – качество, которым ни один человек, показавший себя великим на поле битвы или (как выражаются иные) на большой дороге, не может не обладать. Но, увы, господа, разве это не прискорбно, если слово, означающее столь высокий и доблестный образ действий, применяется настолько неопределенно и по-разному, что едва ли два человека понимают под ним одно и то же? Не понимают ли иные под честью доброту и гуманность, которую слабые духом зовут добродетелью? Так что же получается? Неужели мы должны отказать в ней великим, храбрым, благородным – разрушителям городов, разорителям провинций, завоевателям царств? Разве не были они людьми чести? А между тем они презирали перечисленные мною жалкие качества. Далее – многие (если я не ошибаюсь) в свое понятие о чести включают и честность. И что же – в таком случае тот, кто удерживает у других имущество, являющееся по закону или, может быть, по справедливости их собственностью, или кто благородно и смело отбирает у них эту собственность, – что же, он не человек чести? Упаси меня бог сказать такую вещь в нашем или в каком-нибудь другом порядочном обществе! Разве честь – это правда? Нет, не ложь, исходящая от нас, а ложь, обращенная к нам, оскорбляет нашу честь! Может быть, тогда она состоит в том, что толпа называет главными добродетелями? Предположить это значило бы оскорбить вас подозрением в неразумии, ибо мы видим каждый день очень много людей чести, у которых нет никаких добродетелей. В чем же тогда сущность слова «честь»? В нем самом – и только! Человек чести – это тот, кого называют человеком чести; пока его так называют, он таковым и является, – но не более того. Подумайте, ведь ничто совершаемое человеком не может ущемить его честь. Посмотрите вокруг, что делается в мире: *плут*, пока процветает, – человек чести; когда он в тюрьме, на суде, в петле – тогда, простите, нет. Откуда же такое различие? От его действий оно не зависит: зачастую они были так же широко известны в пору его процветания, как и после. Зависит оно только от того, что люди – то есть члены его партии или шайки – в одном положении называют его человеком чести, а в другом перестают его так называть. Теперь посмотрим: чем же мистер Бэгшот задел честь джентльмена? Он назвал его карманником, и это, если прибегнуть к косвенным и очень сложно построенным рассуждениям, пожалуй, может показаться несколько обидным для его чести в самом тонком смысле этого слова. Итак, условно допуская, что чести джентльмена был нанесен некоторый урон, предложим мистеру Бэгшоту дать ему удовлетворение: пусть он вдвойне и втройне оплатит эту косвенную обиду, заявив прямо, что считает джентльмена человеком чести.

Джентльмен сказал, что он согласен передать свое дело на суд мистера Уайлда и примет любое удовлетворение, какое тот признает достаточным.

– Пусть он сперва вернет мне мои деньги, – сказал Бэгшот, – и тогда я от всей души назову его человеком чести.

Джентльмен тогда возразил, что чужих денег у него нет, и это подтвердил Снэп, заявив, что все время не спускал с него глаз. Но Бэгшот стоял на своем, пока Уайлд в самых крепких выражениях не поклялся, что джентльмен не взял ни единого фартинга, и добавил, что всякий, кто станет утверждать обратное, тем самым обвинит его, Уайлда, во лжи, а он этого не спустит. И вот, столь сильно было влияние этого великого человека, что Бэгшот тотчас смирился и совершил требуемую церемонию. Так благодаря тонкому посредничеству нашего героя благополучно разрешилась эта ссора, которая грозила принять роковой оборот и, поскольку

разгорелась она между двумя такими лицами, крайне ревниво относившимися к своей чести, несомненно привела бы к самым ужасным последствиям.

Мистер Уайлд, надо сказать, был несколько заинтересован в деле, так как сам задал джентльмену эту работу и получил львиную долю добычи; что же касается показаний в его пользу мистера Снепа, то они явились обычным проявлением дружбы, которая в своем пламенном горении часто доходила у этого достойного человека до подобных высот. Его неизменным правилом было, что ему, маленькому человеку, не зазорно ради друга пойти на небольшую *передержку*.⁴⁹

---

⁴⁹ *Передержка* на жаргоне означает – лжесвидетельство. (Примеч. автора.)

Глава XIV, в которой история величия развивается далее

Когда ссора таким образом улеглась, а игра по указанным выше причинам кончилась, компания снова вернулась к самой веселой и дружественной попойке. Пили за здоровье, пожимали друг другу руки и признавались в самой полной любви. Всему этому ничуть

не служили помехой замыслы, которые каждый обмозговывал тайком и намеревался исполнить, как только крепкие напитки кое-кому затуманят голову. Бэгшот и джентльмен собирались обокрасть друг друга; мистер Снэп и мистер Уайлд-старший раздумывали, где бы еще выискать должников, чтобы с помощью джентльмена взять их под стражу; граф надеялся возобновить игру, а Уайлд, наш герой, замышлял убрать Бэгшота с дороги или, как выражается чернь, при первой же возможности отправить на виселицу. Но ни один из этих великих замыслов нельзя было осуществить немедленно, ибо мистера Снэпа вскоре вызвали по срочному делу, потребовавшему помощи мистера Уайлда-старшего и одного его приятеля; а так как мистер Снэп не питал излишнего доверия к графским пяткам, с проворством которых он уже однажды познакомился, он объявил, что пора «навесить замок». Здесь, читатель, если ты не возражаешь, мы, поскольку нам не к спеху, остановимся и проведем образное сравнение. Как после охоты осторожный егерь загоняет своих быстроногих гончих и они, свесив уши и хвост, угрюмо плетутся к себе в конуру, он же, пощелкивая арапником, не считаясь с их собачьим упорством, следует за ними по пятам и, убедившись, что все они в целости и на месте, поворачивает ключ в замке, а потом удаляется туда, куда его зовет какое-нибудь дело или потеха, – так, заплетающимся шагом, с пасмурными лицами, поднимались граф и Бэгшот в свою комнату или, скорей, конуру, куда сопровождали их Снэп и его приспешники и где Снэп, убедившись, что они на месте, с удовлетворением запер за ними дверь, а засим удалился. Теперь, читатель, мы, подражая достохвальному светскому обычаю, оставим наших друзей заниматься кто чем может и проследим благоприятные судьбы Уайлда, нашего героя, который в крайней своей нелюбви к довольству и успокоению – неотъемлемое свойство великих душ – не почил в благоденствии, а стал расширять свои планы. Это чудесное неумное беспокойство, эта благородная жадность, возрастающая по мере утоления, есть первый принцип, или основное качество, наших великих людей, с которыми на их пути к величию случается то же, что с путешественником при переходе через Альпы или – если наша метафора кажется слишком далекой – при перевале с востока на запад в холмах близ Бата, где, собственно, и возникла у нас эта метафора. Он не видит сразу конечной цели своего путешествия; но, переходя от замысла к замыслу и от холма к холму и с благородным постоянством решив, как ни грязна дорога, по которой предстоит ему пробираться, все-таки достичь намеченной взором вершины, прибредет в конце концов... в какую-нибудь скверную харчевню, где не получит ни какого бы то ни было развлечения, ни удобств для ночлега. Мне думается, читатель, если ты когда-нибудь ездил по этим местам, то одна половина моей метафоры тебе достаточно ясна (да и вообще во всех таких сопоставлениях одна половина бывает обычно гораздо яснее другой); но поверь, если вторая кажется тебе не совсем вразумительной, то по той лишь причине, что ты незнаком с великими людьми и, не имея достаточного руководства, досуга или случая, никогда не задумывался о том, что происходит с теми, кто поставил себе целью достичь так называемого *величия*. Если бы ты учел не только большие опасности, которым повседневно подвергается на своем пути великий человек, но разглядел бы, как под микроскопом (для невооруженного глаза они невидимы), те крошечные крупички счастья, которые достаются ему даже при свершении всех желаний, ты вместе со мною посетовал бы на несчастную судьбу этих великих людей, которых природа отметила таким превосходством, что остальное человечество рождается только им на пользу и корысть; и вместе со мною ты мог бы тогда воскликнуть: «Как жаль,

что те, на радость кому и на выгоду все человечество трудится в поте лица, ради кого людей и рубят и крошат, разоряют и грабят и всячески уничтожают, – как жаль, что они получают столь малый доход от бед, причиняемых ими другим!» Что до меня, то сам я, признаться, причисляю себя к той смиренной части смертных, которые считают, что рождены на благо тому или другому великому человеку; и если бы я видел, что он черпает счастье в труде и разорении тысячи жалких тварей, вроде меня, то я бы с удовлетворением мог воскликнуть: «Sic, sic juvat!»⁵⁰ Но когда я вижу, как один великий человек умирает с голоду и дрогнет от холода среди сотни тысяч, страдающих от тех же бед ему в утеху; когда я наблюдаю, как другой превращает свою душу в презренную рабу собственного величия и она терпит худшие пытки и терзания, чем души всех его верноподданных; наконец, когда я подумаю, как уничтожаются целые народы для того лишь, чтобы пролил слезы один *великий человек*, – но не о том, что им истреблено так много, а о том, что больше нет народов, которые он мог бы истреблять, – тогда воистину я готов пожелать, чтобы природа избавила нас от этого своего шедевра и чтобы ни один *великий человек* никогда не рождался на свет.

Но вернемся к нашей повести, которая заключает в себе, мы надеемся, куда лучшие уроки и притом более назидательные, чем все наши проповеди. Удалившись в свой ночной погребок, Уайлд предался размышлениям о сладостях, доставленных ему в этот день чужими трудами, а именно: сперва стараниями мистера Бэгшота, который ему на пользу обокрал графа, а затем джентльменом, который ради той же доброй цели залез в карман к Бэгшоту. Рассуждал он сам с собой следующим образом:

«Искусство политики есть искусство умножения, причем степень величия обуславливается двумя словами – „больше“ и „меньше“. Говоря о человечестве, нельзя упускать из виду, что оно подразделяется на два основных класса – на тех, кто трудится своими руками, и тех, кто использует чужие руки. Первые – низкая чернь; вторые – благородная часть творения. Поэтому в купеческом мире вошло в обиход мудрое выражение „нанимать руки“; и там справедливо отдают предпочтение одному перед другим, в зависимости от того, кто больше „нанимает рук“ и кто меньше; таким образом, один купец говорит, что он выше другого, потому что у него больше наемных рук. В самом деле, купец мог бы в какой-то мере притязать на величие, если бы здесь мы не подошли неизбежно к следующему разделению, а именно: на тех, кто использует чужие руки для служения обществу, в котором живет, и на тех кто их использует только для собственной выгоды, не заботясь о благе общества. К первому разряду относятся йомен, фабрикант, купец и, пожалуй, дворянин: первый обрабатывает и удобряет почву родной страны и нанимает руки, чтобы взращивать плоды земные; второй перерабатывает их, равным образом нанимая для этого руки, и производит те полезные товары, которые служат как для создания жизненных удобств, так и для удовлетворения необходимых нужд; третий нанимает руки для вывоза избытков наших товаров и обмена их на избыточные товары других народов, – так что каждая из стран, при всем различии почв и климатов, может наслаждаться плодами всей земли. Дворянин, нанимая руки, также способствует украшению своей страны – помогая развитию искусств и наук, составляя или приводя в исполнение хорошие и благотворные законы охраны собственности и отправления правосудия и разными другими путями служа благу общества. Перейдем теперь ко второму разряду, то есть к тем, кто нанимает руки только на пользу самим себе: это та великая и благородная часть человечества, в которой обычно различают *завоевателей, абсолютных монархов, государственных деятелей и плутов*. Между собой они разнятся только степенью величия: у одних больше занято рук, у других – меньше. И Александр Македонский был более велик, чем вожак какой-нибудь татарской или арабской орды, лишь постольку, поскольку он стоял во главе большей массы людей. Чем же тогда плут-одиночка ниже всякого другого великого человека? Не тем ли, что он применяет лишь свои собственные

⁵⁰ Пусть ликует! (лат.)

руки? Его никак нельзя на этом основании ставить на один уровень с подлой чернью, ибо все же свои руки он использует только для собственной выгоды. Предположим теперь, что у *плута* столько же пособников и исполнителей, сколько когда-либо имелось у любого премьер-министра, – разве не будет он так же велик, как любой премьер-министр? Несомненно, будет. Что же еще мне остается сделать в моем стремлении к величию, если не собрать шайку и не стать самому тем центром, куда идет вся польза от этой шайки? Шайка будет грабить только для меня, получая за свою работу очень скромное вознаграждение. В этой шайке я буду отмечать своей милостью самых храбрых и самых преступных (как выражается чернь), остальных же время от времени, когда представится случай, я буду по своему усмотрению отправлять на виселицу и на каторгу и, таким образом (в чем заключается, по-моему, высшее превосходство *плута*), законы, созданные на благо и в защиту общества, обращать к моей личной выгоде».

Наметив таким образом план своих действий, Уайлд увидел, что для его немедленного проведения в жизнь не хватает только одного: того, с чего начинаются и чем кончаются все человеческие намерения, – то есть денег. Сего «продукта» у него было не более шестидесяти пяти гиней – все, что осталось от двойной прибыли, полученной им с Бэгшота. Этого, казалось ему, не хватит, чтобы снять дом и раздобыть все необходимое для такого величественного предприятия; поэтому Уайлд решил тотчас отправиться в игорный дом, где все уже собрались. Но он имел в виду не столько довериться фортуне, сколько поставить на более верную карту, ограбив выигравшего игрока, когда тот пойдет домой. Однако, придя на место, он подумал, что можно все же попытаться счастья и перекинуться в кости, а тот, другой способ оставить про запас, как последнее средство. И вот он сел играть. А так как не замечалось, чтобы Фортуна более других особ ее пола склонна была раздавать свои милости в строгом соответствии с нравственными качествами, то наш герой потерял все до последнего фартинга. Однако свою

потерю он перенес с большою стойкостью духа и со спокойным лицом. Сказать по правде, он считал, что эти деньги он как бы отдал взаймы на короткий срок или даже положил в банк. Он решил тогда прибегнуть немедленно к более верному средству и, окинув взглядом зал, приметил вскоре человека, сидевшего с безнадежным видом и показавшегося ему подходящим посредником или орудием для его цели. Коротко говоря, – дабы возможно более сжато изложить наименее блистательную часть нашей повести, – Уайлд заговорил с этим человеком, прозондировал его, признал пригодным исполнителем, сделал свое предложение, получил быстрое согласие, – и вот, остановив выбор на игроке, казавшемся в тот вечер первым любимцем Фортуны, они заняли вдвоем самую удобную позицию, чтобы захватить противника врасплох при его возвращении на свою квартиру, и вскоре он там был атакован, приведен в покорность и ограблен. Но добыча оказалась незначительной: джентльмен играл, по-видимому, от некоей компании и тут же на месте сдавал свои выигрыши, так что, когда на него напали, у него было в кармане всего лишь два шиллинга.

Это явилось таким жестоким разочарованием для Уайлда и так глубоко огорчает нас самих, – как огорчит несомненно и читателя, – что, чувствуя и его и наше собственное бессилие идти незамедлительно дальше, мы сделаем здесь небольшую передышку и, значит, закончим первую книгу.

КНИГА ВТОРАЯ

Глава I

Глупцы, их душевный склад и надлежащее применение, для которого они рождены на свет

Одна из причин, почему мы нашли нужным закончить вместе с последней главой нашу первую книгу, состоит в том, что теперь мы должны ввести два действующих лица совсем другого разбора, чем все те, с кем мы имели дело до сих пор. Эти личности принадлежат к жалкой породе смертных, презрительно именуемых «добрыми». Они посланы природой в мир в тех же целях, в каких человек напускает мелкую рыбешку в щучий пруд: чтобы их проглотила прожорливая героиня вод.

Но поведем дальше наш рассказ. Уайлд, разделив добычу точно так же, как и в прошлый раз, то есть забрав из нее три четверти, что составило восемнадцать пенсов, в не слишком счастливом расположении духа шел домой поспать, когда встретил случайно одного молодого человека, с которым когда-то учился вместе в школе и даже дружил. Принято думать, что дружбу обычно порождает сходство нрава, но с этими юношами случай был обратный: в то время как Уайлд был жаден и бесстрашен, тот всегда берег больше свою шкуру, чем деньги; поэтому Уайлд, снисходя к его недостаткам, великодушно жалел товарища и не раз выручал из беды (в которую по большей части сам же, бывало, и втравит его), принимая на себя вину и розги. Правда, в таких случаях он неизменно получал хорошее вознаграждение. Но есть люди, которые, выгадав на сделке, умеют так это подать, точно оказали другой стороне одолжение; так получалось и здесь: бедный юноша всегда считал себя в неоплатном долгу перед мистером Уайлдом и проникся к нему глубоким уважением и дружбой – чувствами, которые за долгие годы, прожитые врозь, нисколько не стерлись в его душе. Узнав Уайлда, он подошел к нему, заговорил самым дружеским образом и, так как было уже около девяти часов утра, пригласил зайти к нему домой позавтракать, к чему наш герой без особого сопротивления дал себя склонить. Этот молодой человек, ровесник Уайлда, стал с недавних пор компаньоном одного ювелира, вложив в его дело – капиталом и товаром – почти все свое небольшое состояние, и женился по любви на очень приятной женщине, от которой у него было теперь двое детей. Так как нашему читателю следует ближе познакомиться с этой личностью, не лишним будет обрисовать ее характер, тем более что он представит собою своего рода фольгу, оттеняющую благородный и высокий склад нашего героя, и что человек этот был словно нарочно послан в мир служить тем объектом, в применении к которому таланты героя должны развернуться с истинным и заслуженным успехом.

Итак, мистер Томас Хартфри (так его звали) был человеком честным и открытым. Он был из тех, кому не собственная природа, а только опыт открывает, что есть на свете обман и лицемерие, и про кого никак не скажешь, что в двадцать пять лет его труднее провести, чем иного хитрейшего старика. По своему душевному складу он отличался рядом слабостей, будучи до крайности добрым, дружелюбным и щедрым. Правда, он пренебрегал обычным правосудием, но лишь затем, чтоб иногда простить долги своим знакомым, и на том лишь основании, что им нечем было платить; а однажды он поверил в долг банкроту и помог ему снова стать на ноги, так как был убежден, что тот объявил себя несостоятельным честно, без умысла и обанкротился только по несчастью, а не по небрежению и не злостно. Он был так непроходимо глуп, что никогда не пользовался неведением покупателей и продавал свой товар, довольствуясь самой умеренной прибылью; это он тем легче мог себе позволить, что, несмотря на свою щедрость,

вел очень скромный образ жизни: он не тратил лишнего на удовольствия – разве что примет у себя дома кое-кого из друзей или разопьет по стакану вина вдвоем с женой, которая, при своей привлекательной внешности, была недалеким существом – убогим, малоразвитым домашним животным; она отдавала себя почти всецело заботам о семье и полагала свое счастье в муже и детях, не следовала разорительным модам, не искала дорогих развлечений и даже редко где-нибудь бывала, разве что заходила с ответным визитом к немногим из своих простодушных соседей да позволяла себе раза два в год пойти с мужем в театр, никогда не занимая там места выше, чем в партере, где сидела в задних рядах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.